DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

„МЕРТВЫЯ ДУШИ“

Н. В. Гоголя.

Разборъ поэмы для учащихся.

СОСТАВИЛЪ

С. БУРАКОВСКІЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.
1906.

891.73
G613ZBR

РАЗБОРЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

„МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

Историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ. Содержаніе первой части по главамъ. Характеристика помѣщичьихъ типовъ. городского провинціальнаго общества и народа. Разборъ характера Чичикова. Лирическія отступленія поэмы. Характеристика и примѣры отдѣльныхъ описаній. Изложеніе и языкъ поэмы. Заключеніе.

Послѣ „Ревизора“, какъ говоритъ самъ Гоголь, онъ почувствовалъ болѣе, нежели когда-нибудь прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Въ это время Пушкинъ предложилъ Гоголю сюжетъ „Мертвыхъ душъ“. „Пушкинъ“, говоритъ Гоголь въ своей „Авторской исповѣди“, „давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной читаннаго прежде, онъ мнѣ сказалъ: „какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять вдругъ его всего какъ живого, съ этою способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!“. Вслѣдъ за этимъ началъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано, привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса *), который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за „Донъ-Кихота“, никогда бы

*) Испанскій поэтъ (1548—1616).

не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому".

Таково было начало созданія „Мертвыхъ душъ", произведеніе, которое не только составляетъ, такъ сказать, вѣнецъ поэтическаго творчества великаго писателя, но и вообще принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ новѣйшаго періода русской художественной словесности. Гоголь писалъ свою поэму во время пребыванія за границей, куда переселился онъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора", отчасти огорченный плохимъ, по его мнѣнію, исполненіемъ нѣкоторыхъ ролей комедіи, несправедливыми нападками критики и общества, отчасти съ цѣлью поправленія здоровья, изнуреннаго литературными трудами. Первоначально Гоголь началъ писать „Мертвыя души", какъ любопытный и забавный анекдотъ. Но мало-по-малу передъ его художественнымъ взоромъ возникала широкая картина русской жизни, незначащій сюжетъ сталъ разростаться въ большое произведеніе и наводить поэта, какъ онъ самъ говоритъ, на сильныя мысли и глубокія явленія. „Чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочинніе", пишетъ Гоголь, „тѣмъ болѣе видѣлъ, что неслучайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры, какіе попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно русскія, коренныя свойства наши. Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены". Поэтъ долго и внимательно изучалъ Россію, знакомился съ людьми, у которыхъ могъ разузнать о томъ, что дѣлается въ отечествѣ, опредѣлялъ себѣ всякую должность, всякое сословіе и званіе въ государствѣ. Характеры и герои создавались у него, конечно, заранѣе, но всѣ свѣдѣнія, какія онъ получалъ отъ другихъ, ему нужны были, по его словамъ, какъ нужны этюды съ натуры художнику, который пишетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. „Онъ не переводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, онъ развѣшиваетъ ихъ вокругъ, по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы не по-

грѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противу времени или эпохи". Гоголь не успѣлъ совершить всего задуманнаго плана: вполнѣ обработанною является только первая часть поэмы, въ которой собраны одни низкія свойства русской природы, что же касается до второй части, гдѣ поэтъ предполагалъ воспроизвести идеальныя стороны русской жизни, то эта часть сохранилась въ отрывкахъ и въ литературномъ отношеніи значительно слабѣе первой. Надъ первою частью „Мертвыхъ душъ" Гоголь усиленно работалъ въ теченіе шести лѣтъ. Эта поэма была задушевнымъ его произведеніемъ, онъ самъ говоритъ, что во время ея писанія онъ ничѣмъ другимъ не въ силахъ былъ заняться, что оторваться хоть на одинъ мигъ отъ этого „святого" труда было для него бѣдою. До появленія „Мертвыхъ душъ" въ печати, Гоголь два раза пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ читалъ поэму въ кругу самыхъ близкихъ друзей. Послѣ неоднократныхъ исправленій и передѣлокъ поэтъ рѣшилъ, наконецъ, представить рукопись первой части въ цензуру. Но въ Москвѣ рукопись подверглась запрещенію. Гоголь, весьма естественно, пришелъ въ отчаяніе; онъ хотѣлъ даже отказаться отъ мысли издавать „Мертвыя души", думая, что не судьба этому творенію явиться въ свѣтъ, но ободренный друзьями рѣшился снова послать рукопись въ цензуру, на этотъ разъ въ Петербургъ, гдѣ она и была одобрена въ печати. Наконецъ, послѣ многихъ мытарствъ, поэма Гоголя явилась въ свѣтъ въ 1842 году подъ названіемъ „Похожденія Чичикова или Мертвыя души". Русская критика въ лицѣ главнаго ея представителя В. Г. Бѣлинскаго, съ восторгомъ встрѣтила произведеніе Гоголя и признала, что оно знаменуетъ наступленіе новаго періода въ русской словесности.

Сюжетъ поэмы заключается въ томъ, что герой ея Чичиковъ ѣздитъ по усадьбамъ помѣщиковъ и скупаетъ у нихъ умершихъ крестьянъ, числившихся живыми по ревизскимъ сказкамъ, съ тѣмъ чтобы, заложивъ ихъ въ Опекунскій совѣтъ, сразу сдѣлаться богачемъ. Чичиковъ скупаетъ крестьянъ на выводъ: все дѣло его, конечно, должно было совершиться на бумагѣ. Первая часть поэмы заключаетъ въ себѣ XI главъ.

Глава I. Въ первой главѣ описывается пріѣздъ Павла Ивановича Чичикова въ губернскій городъ N. Остановившись въ гостинницѣ, Чичиковъ, пока его кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка управлялись и возились съ вещами, отправляется въ общую залу. Въ ожиданіи обѣда пріѣзжій господинъ вступаетъ въ разговоръ съ трактирнымъ слугою и съ чрезвычайною обстоятельностью разспрашиваетъ у него, кто въ городѣ губернаторъ, предсѣдатель палаты и прокуроръ, какіе помѣщики проживаютъ въ окрестностяхъ города, сколько имѣютъ душъ крестьянъ, не было ли въ губерніи повальныхъ болѣзней, горячекъ, оспы и т. п. На другой день пріѣзда Чичиковъ дѣлаетъ визиты городскимъ сановникамъ и, въ бесѣдѣ съ ними, каждому говоритъ какую-нибудь любезность на счетъ его дѣятельности. Губернатору намекаетъ вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, ибо дороги всѣ бархатныя; полицмейстеру говоритъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ булочниковъ, а вице-губернатора и предсѣдателя палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, называетъ ошибкою *ваше превосходительство*, что имъ очень понравилось. Всѣ въ восторгѣ отъ Чичикова: губернаторъ приглашаетъ его въ тотъ же день на домашнюю вечеринку, другіе чиновники тоже, кто на чашку чаю, кто на обѣдъ. На вечеринкѣ у губернатора Чичиковъ знакомится съ помѣщиками Маниловымъ и Собакевичемъ, которые приглашаютъ его къ себѣ въ усадьбу.

Глава II. По прошествіи недѣли Чичиковъ рѣшается, наконецъ, перенести свои визиты за городъ и прежде всего отправляется къ Манилову. Когда гость и хозяинъ, послѣ сытнаго обѣда, расположились въ кабинетѣ, Чичиковъ весьма деликатно и осторожно высказываетъ Манилову свое желаніе пріобрѣсть крестьянъ. Маниловъ спрашиваетъ, какъ онъ хочетъ купить крестьянъ, съ землею или на выводъ. Услышавъ отъ Чичикова, что тотъ желаетъ имѣть мертвыхъ, Маниловъ совершенно теряется: онъ не въ состояніи постичь цѣли такой странной, небывалой покупки. Нѣсколько опомнившись, помѣщикъ спрашиваетъ гостя, не будетъ ли такое предпріятіе несоотвѣтствующимъ гражданскимъ постановленіямъ Россіи, но скоро успокаивается, когда

Чичиковъ убѣждаетъ его въ противномъ и даже прибавляетъ, что казна будетъ имѣть выгоду отъ покупки, ибо получитъ законные пошлины. Дѣло улаживается какъ нельзя лучше, очарованный гостемъ и его любезнымъ разговоромъ, Маниловъ отдаетъ ему умершихъ крестьянъ задаромъ и даже беретъ на себя и совершеніе купчей крѣпости. Довольный успѣхомъ дѣла. Чичиковъ оставляетъ усадьбу Манилова и отправляется къ Собакевичу.

Глава III. Путешественники, сами того не замѣчая, проѣзжаютъ тотъ поворотъ, по которому шла дорога къ усадьбѣ помѣщика Собакевича. Между тѣмъ наступаетъ ночь; поднимается гроза, и проливной дождь обращаетъ въ грязь дорожную пыль; темнота дѣлается страшная. Скоро, однакожъ, послышался лай собакъ; Чичиковъ приказываетъ погонять лошадей, и черезъ нѣсколько мгновеній бричка ударяется оглоблями въ заборъ. Начинаются поиски воротъ; наконецъ путниковъ впускаютъ въ домъ, гдѣ Чичиковъ остается ночевать, не подозрѣвая, что, по оплошности Селифана, онъ попалъ не къ Собакевичу, а въ усадьбу помѣщицы Коробочки. На другой день Чичиковъ знакомится съ хозяйкой и въ бесѣдѣ съ нею спрашиваетъ ее, въ какомъ количествѣ умирали у нея крестьяне за послѣднее время. Старуха охаетъ и жалуется на то, что ей приходится платить подати за мертвыхъ, какъ за живыхъ. Пользуясь удобной минутой, Чичиковъ предлагаетъ Коробочкѣ уступить ему всѣхъ умершихъ, но это предложеніе ставитъ старуху въ тупикъ. Какъ не старается Чичиковъ втолковать хозяйкѣ, что покупка будетъ состоять только на бумагѣ, что мертвые ни на что и никому не нужны, Коробочка повторяетъ свое: что покойниковъ продавать ей не случалось, что она боится, какъ бы не понести убытку. Тогда Чичиковъ прибѣгаетъ къ обману: сказавъ, что занимается казенными подрядами, онъ обѣщаетъ стерухѣ брать у нея хозяйственныя продукты. Обѣщаніе подѣйствовало, и Коробочка соглашается уступить мертвыя души за пятнадцать ассигнацій. Получивъ довѣренное письмо на имя знакомаго Коробочки для совершенія купчей и списокъ умершихъ крестьянъ, имена которыхъ старуха помнила наизусть, Чичиковъ уѣзжаетъ, чтобы въ тотъ же день побывать у Собакевича, которому далъ слово.

Глава IV. Выбравшись изъ захолустья на столбовую дорогу, Чичиковъ замѣчаетъ трактиръ и приказываетъ кучеру Селифану остановиться, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, да и самому закусить и подкрѣпиться. Въ тотъ же трактиръ случайно пріѣзжаетъ съ своимъ зятемъ Мижуевымъ помѣщикъ Ноздревъ, съ которымъ Чичиковъ познакомился еще раньше, на обѣдѣ у прокурора. Ноздревъ уговариваетъ Чичикова ѣхать къ нему въ деревню, тотъ соглашается. По пріѣздѣ въ усадьбу, хозяинъ, распорядившись насчетъ обѣда, въ ожиданіи послѣдняго ведетъ гостей по деревнѣ, показываетъ все, что было у него на усадьбѣ: конюшни, псарню, на которой воспитывались собаки всевозможнѣйшихъ породъ, водяную мельницу, кузницу, даже границу, гдѣ кончались его владѣнія. Послѣ того садятся за обѣдъ, во время котораго Ноздревъ особенно налегаетъ на вина, угощаетъ мадерой, безпощадно заправленной ромомъ, но лучше которой, по его увѣренію, не пивалъ и самъ фельдмаршалъ. Разсчитывая на игру въ карты, Ноздревъ старается подпоить гостя, но Чичиковъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, ведетъ себя осторожно и хитритъ, не разъ .потихоньку опрокидывая свой стаканъ въ тарелку. Послѣ обѣда, когда запьянѣвшій Мижуевъ отправился домой, Ноздревъ достаетъ карты и предлагаетъ Чичикову сыграть въ банкъ. Тотъ будто бы не слышитъ о чемъ рѣчь и обращается къ Ноздреву съ просьбой перевести на его имя всѣхъ тѣхъ умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи. На вопросъ Ноздрева, зачѣмъ Чичикову понадобились умершіе крестьяне, гость начинаетъ путаться: спачала говоритъ, что мертвые души нужны ему для пріобрѣтенія вѣса въ обществѣ, потомъ придумываетъ новую причину, говоря, что онъ задумалъ жениться, и родители нѣвесты непремѣнно хотятъ, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ. Ноздревъ не вѣритъ всему этому и безъ церемоніи называетъ своего гостя мошенникомъ, котораго слѣдовало бы повѣсить на первомъ деревѣ. Чичиковъ, хотя и обижается, тѣмъ не менѣе продолжаетъ рѣчь о томъ же, предлагаетъ Ноздреву продать умершихъ крестьянъ, если не желаетъ дарить ихъ. Изображается въ высшей степени комическая сцена торга. Ноздревъ предлагаетъ Чичикову купить жеребца или каурую кобылу и за это обѣщаетъ дать въ придачу

умершихъ крестьянъ, потомъ предлагаетъ ему бричку и шарманку, наконецъ приглашаетъ гостя сыграть въ банкъ, обѣщая поставить на карту умершихъ вмѣстѣ съ шарманкой. Но Чичиковъ рѣшительно отказывается отъ подобныхъ покупокъ и отъ игры въ карты. Ноздревъ сердится, обзываетъ гостя „шильникомъ“ „гадкимъ печникомъ“ и отдаетъ приказаніе конюху не давать овса лошадямъ Чичикова. Происходитъ размолвка; однако Чичиковъ остается ночевать. Онъ досадуетъ на себя и болѣе всего за то, что заговорилъ съ Ноздревымъ о такомъ дѣлѣ, поступилъ неосторожно, ибо этотъ человѣкъ легко можетъ распустить по городу Богъ знаетъ что, и выйдутъ непріятныя сплетни. На другой день разговоръ о мертвыхъ душахъ снова затѣвается. Ноздревъ въ концѣ концовъ предлагаетъ сыграть на души въ шашки. Чичиковъ соглашается. Начинается игра, но Ноздревъ плутуетъ, и Чичиковъ отказывается продолжать игру, деликатно называя хозяина нечестнымъ. Ноздревъ бѣсится, съ кулаками подступаетъ къ Чичикову и крикнувъ двухъ слугъ, приказываетъ имъ бить гостя. Дѣло, однакожъ, кончается благополучно, благодаря случайному пріѣзду капитана-исправника: пока Ноздревъ бесѣдовалъ съ послѣднимъ, Чичиковъ выскальзываетъ на крыльцо, садится въ бричку и приказываетъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

Глава V. По дорогѣ къ Собакевичу новое приключеніе: на бричку Чичикова наскакиваетъ запряженная шестерикомъ коляска, въ которой сидѣли двѣ женщины, одна старуха, другая молоденькая. Постромки путаются, поднимается суматоха, на которую сбѣгаются мужики изъ сосѣдней деревни. Наконецъ дѣло улаживается, и Чичиковъ продолжаетъ путь, размышляя о той молоденькой незнакомкѣ, которую такъ неожиданно ему пришлось встрѣтить. Между тѣмъ показалась деревня Собакевича, и мысли Чичикова снова обращаются къ излюбленному предмету, т. е. къ покупкѣ мертвыхъ душъ. Бесѣду свою съ Собакевичемъ Чичиковъ начинаетъ издалека. Онъ говоритъ вообще о всемъ русскомъ государствѣ, объ его пространствѣ, потомъ переходитъ къ тому, что умершія ревизскія души числятся до подачи новой ревизіи наравнѣ съ живыми, что эта мѣра хотя и придумана для того,

чтобы не обременять присутственныя мѣста, тѣмъ не менѣе тягостна для владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати какъ бы за живой предметъ, и прибавляетъ наконецъ, что, чувствуя личное уваженіе къ хозяину, онъ готовъ взять эту обязанность на себя. Безъ всякихъ колебаній и сомнѣній Собакевичъ, вопреки ожиданіямъ Чичикова, соглашается продать умершихъ крестьянъ и сразу запрашиваетъ по сту рублей за душу. Когда Чичиковъ приходитъ въ изумленіе и напоминаетъ о томъ, что самыя души уже умерли, а остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ, то Собакевичъ, въ надеждѣ совершить выгодную дли себя сдѣлку, до такой степени входитъ въ самую силу рѣчи, что начинаетъ восхвалять достоинства умершихъ крестьянъ, ихъ способность къ разнымъ мастерствамъ, даже ихъ ростъ и силу. Чичиковъ предлагаетъ Собакевичу по два рубля за душу, потомъ прибавляетъ еще по полтинѣ. Собакевичъ намекаетъ гостю, что подобнаго рода покуки не всегда позволительны, и даже подсмѣивается надъ нимъ, говоря, что онъ душу человѣческую ставитъ наравнѣ съ пареной рѣпой, но въ концѣ концовъ уступаетъ души по той цѣнѣ, которую предложилъ Чичиковъ. По просьбѣ Чичикова Собакевичъ соглашается на другой же день совершить купчую и передаетъ ему реестръ крестьянъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ ихъ похвальныхъ качествъ. Чичиковъ отдаетъ задатокъ и отправляется къ помѣщику Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали какъ мухи.

Глава VI. Чичиковъ въѣзжаетъ въ огромное село, со множествомъ избъ и улицъ, и повсюду замѣчаетъ особенную ветхость на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ. Скоро показался и домъ самого помѣщика, глядѣвшій, по выраженію поэта дряхлымъ инвалидомъ. У одного изъ строеній Чичиковъ замѣчаетъ какую-то фигуру, но, благодаря ея странному костюму, не можетъ распознать, какого она пола; войдя въ комнату, онъ къ удивленію своему, узнаетъ, что существо, которое онъ принялъ за ключницу, былъ не кто иной, какъ самъ помѣщикъ Плюшкинъ. Чичиковъ объясняетъ ему причину своего пріѣзда желаніемъ узнать отъ него, какъ отъ знатока, кое-что относительно управленія имѣніями, и, вступивъ въ дальнѣйшій разговоръ, узнаетъ, что у Плюшкина горячка вы-

морила порядочное число мужиковъ и что со дня послѣдней ревизіи ему приходится платить подать за сто двадцать умершихъ душъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Чичиковъ безъ всякихъ обиняковъ изъявляетъ готовность платить подати за всѣхъ умершихъ крестьянъ. Такое предложоніе изумляетъ Плюшкина, но изумленіе его еще болѣе усиливается, когда гость, выразивъ желаніе купить умершихъ, предлагаетъ взять на себя издержки и по совершенію купчей крѣпости. Плюшкинъ думаетъ, что гость совершенно глупъ. Тѣмъ не менѣе, при всей черствости и скаредности души, не можетъ скрыть своей радости: желаетъ Чичикову всякихъ утѣшеній и приказываетъ слугѣ Прошкѣ поставить самоваръ. Боясь, однако, что гость надуетъ его и напившись чаю уѣдетъ, Плюшкинъ предлагаетъ ему совершить купчую сейчасъ же и успокаивается, когда Чичиковъ изъявляетъ на это полную готовность и требуетъ списка всѣхъ крестьянъ. Послѣ того Плюшкинъ предлагаетъ гостю купить и бѣглыхъ. Чичиковъ соглашается и, уплативъ по тридцати копѣекъ за душу, беретъ съ хозяина росписку. Чичиковъ уѣзжаетъ отъ Плюшкина въ самомъ веселомъ настроеніи духа и возвращается въ городъ, въ ту же гостинницу, вполнѣ довольный успѣхомъ своего предпріятія.

Глава VII. Проснувшись на другой день, Чичиковъ съ просіявшимъ лицомъ вспоминаетъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ, и тотчасъ же принимается за составленіе купчихъ крѣпостей, какъ слѣдуетъ по установленной формѣ. Разсматривая списки крестьянъ, полученные отъ помѣщиковъ, Чичиковъ размышляетъ о судьбахъ русскаго мужика, о его нелюбви умирать своею смертью, о бродячей жизни бѣглыхъ крестьянъ. Скоро крѣпости были изготовлены, и Чичиковъ, одѣвшись и вспрыснувъ себя одеколономъ, съ бумагами подъ мышкой отправляется въ гражданскую палату совершать купчую. На улицѣ онъ встрѣчаетъ Манилова, который, вручивъ Чичикову бумагу съ перечнемъ крестьянъ, изъявляетъ готовность отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ палату. Предсѣдатель, уже знавшій о покупкахъ Чичикова отъ Собакевича, который находился въ залѣ присутствія, встрѣчаетъ будущаго помѣщика съ распростертыми объятіями, лю-

безно поздравляетъ его, что очень смущаетъ Чичикова, тѣмъ болѣе, что оба продавца, съ которыми онъ велъ дѣла тайно, стояли теперь лицомъ другъ къ другу. Намѣреваясь, изъ боязни какъ бы не попасться, выѣхать изъ города на слѣдующій день, Чичиковъ проситъ предсѣдателя совершить купчую сегодня же. Предсѣдатель былъ очень доволенъ покупками Чичикова, особенно когда увидѣлъ, что всѣхъ ихъ было почти на сто тысячъ. Онъ тотчасъ же дѣлаетъ распоряженіе о призывѣ установленныхъ закономъ свидѣтелей и, обращаясь къ Чичикову, спрашиваетъ его: „какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? развѣ на выводъ?“ Чичиковъ, нисколько не потерявшись, заявляетъ предсѣдателю, что онъ дѣйствительно покупаетъ ихъ на выводъ въ Херсонскую губернію, гдѣ будто бы пріобрѣтено у него достаточное количество земли съ рѣкою и прудомъ. Когда все дѣло по совершенію купчей было покончено, предсѣдатель предлагаетъ Чичикову и другимъ спрыснуть покупку и отправиться къ полицмейстеру на завтракъ. Всѣ соглашаются съ величайшимъ удовольствіемъ. Отъ полицмейстера, гдѣ чудаки чиновники съ предсѣдателемъ во главѣ наперерывъ спѣшили поздравлять херсонскаго помѣщика, Чичиковъ, уже порядочно закусивши и выпивши, возвращается на прокурорскихъ дрожкахъ къ себѣ въ гостинницу, гдѣ долго мечтаетъ о бѣлокурой невѣстѣ, о херсонскихъ деревняхъ и капиталахъ.

Глава VIII. Покупки Чичикова дѣлаются предметомъ разговоровъ среди городскихъ обывателей; поднимаются безконечные толки, мнѣнія и разсужденія; идутъ споры о томъ, выгодно ли покупать крестьянъ на выводъ, о крестьянахъ Чичикова, которые, по мнѣнію обывателей, всѣ пьяницы, ибо хорошаго человѣка ни одинъ помѣщикъ не продастъ. Нѣкоторые даже жалѣютъ Чичикова и высказываютъ опасеніе насчетъ того, чтобы не произошло бунта между его крестьянами, но полицмейстеръ успокаиваетъ ихъ, говоря, что существуетъ власть капитана-исправника, что капитанъ-исправникъ, хотя самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго ихъ жительства. По городу проносится слухъ, что Чичиковъ не болѣе не менѣе,

какъ милліонщикъ; его начинаютъ просто носить на рукахъ, и онъ не въ состояніи выбраться изъ города. Губернскія барыни, прежде мало говорившія о Чичиковѣ, теперь восхищенныя пріятнымъ словомъ милліонщикъ, находятъ въ немъ всевозможнѣйшія добродѣтели, принимаются особенно усиленно заниматься туалетомъ, а одна изъ нихъ посылаетъ ему анонимное письмо, въ которомъ, намекая о тайномъ сочувствіи сердецъ, приглашаетъ Чичикова оставить городъ и удалиться въ пустыню. На балѣ у губернатора Чичиковъ знакомится съ его дочерью, съ которой когда-то встрѣтился на дорогѣ. Всѣ дамы въ восторгѣ отъ Чичикова, но когда замѣчаютъ, что онъ видимо оказываетъ предпочтеніе губернаторской дочери, то сразу же начинаютъ отзываться о немъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Въ это время въ залу является подвыпившій Ноздревъ и начинаетъ во все горло кричать, что Чичиковъ торгуетъ мертвыми душами и что его слѣдуетъ повѣсить. Губернаторъ, прокуроръ и другіе чиновники приходятъ въ страшное замѣшательство, не знаютъ что и говорить. Хотя Ноздревъ и слылъ за отъявленнаго лгуна, тѣмъ не менѣе Чичиковъ почувствовалъ себя крайне неловко: встревоженный, онъ, не дожидая окончанія ужина, уѣзжаетъ домой. Дома онъ бранитъ губернское общество, устраивающее глупые и безполезные балы изъ одного лишь обезьянства, ругаетъ Ноздрева и всю его фамилію. Между тѣмъ на другомъ концѣ города происходитъ событіе, которое еще болѣе увеличиваетъ непріятность положенія Чичикова,—это пріѣздъ помѣщицы Коробочки, которая, думая, что Чичиковъ обманулъ ее, рѣшилась пріѣхать въ городъ съ цѣлью узнать, почемъ ходятъ мертвыя души.

Глава IX. Одна изъ городскихъ сплетницъ, дама просто пріятная, узнавъ о покупкѣ Чичиковымъ мертвыхъ душъ, раннимъ утромъ отправляется къ дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы подѣлиться съ нею впечатлѣніями по поводу свѣжей новости, только что полученной отъ протопопши, у которой остановилась помѣщица Коробочка. Послѣ излюбленной бесѣды о выкройкахъ и новомодныхъ нарядахъ, просто пріятная дама съ ужасомъ разсказываетъ, какъ Чичиковъ, подобно герою разбойничьяго романа, явился ночью къ старухѣ Коробочкѣ и требовалъ,

чтобы она продала ему всѣ тѣ души, которыя умерли. Начинаются толки. Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ тотчасъ же соображаетъ въ чемъ дѣло: ей кажется, что мертвыя души выдуманы только для прикрытія, а главное то, что смиренникъ Чичиковъ намѣревается увезти губернаторскую дочку и тайно съ нею обвѣнчаться. Просто пріятная дама вполнѣ соглашается съ этимъ мнѣніемъ; обѣ начинаютъ осмѣивать губернаторскую дочку и безнравственность институтскаго воспитанія. Разставшись, дамы тотчасъ распространяютъ сплетню среди своихъ знакомыхъ. Скоро весь городъ приходитъ въ страшное волненіе: на сцену появляются такія особы, о которыхъ прежде не было и слуху, по улицамъ усиливается ѣзда и словомъ заваривается такая каша, въ которой ни одинъ изъ обывателей не можетъ разобраться. Образуются двѣ партіи. Женская исключительно занимается похищеніемъ губернаторской дочки и сочиняютъ про Чичикова небывалыя исторіи, такъ что губернаторша, узнавъ о сплетнѣ, дѣлаетъ строгій выговоръ дочери и отдаетъ приказаніе ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ не принимать Чичикова. Мужчины отвергаютъ дамскія сплетни и всецѣло обращаютъ вниманіе на мертвыя души, находя, хотя безсознательно, что въ нихъ то и заключается все скверное. Назначеніе новаго генералъ-губернатора приводитъ чиновниковъ въ страхъ и трепетъ: всѣ они начинаютъ отыскивать въ себѣ даже такіе грѣхи, которыхъ у нихъ и не было. Инспекторъ врачебной управы отъ страху блѣднѣетъ: ему представляется, что не разумѣются ли подъ мертвыми душами больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ отъ повальной горячки, противъ которой не были приняты надлежащія мѣры. Многіе подозрѣваютъ даже, нѣтъ ли въ мертвыхъ душахъ намека на скоропостижно погребенныя тѣла вслѣдствіе двухъ кровавыхъ происшествій, замятыхъ мѣстной администраціей. Въ то же время къ губернатору приходятъ двѣ бумаги: въ одной говорилось о немедленномъ разысканіи находящагося въ губерніи дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій, въ другой губернаторъ сосѣдней губерніи писалъ объ убѣжавшемъ разбойникѣ. Тутъ городскіе чиновники окончательно сбиваются съ толку, задаютъ себѣ вопросъ, кто таковъ самъ Чичиковъ, о чемъ прежде никто и не думалъ, обращаются съ раз-

спросами о немъ къ Манилову, Коробочкѣ, Собакевичу, но, не добившись и отъ нихъ ничего путнаго, рѣшаютъ собраться въ квартирѣ полицмейстера и обстоятельно разобрать, кто такой Чичиковъ и слѣдуетъ ли принять противъ него какія-нибудь мѣры.

Глава X. На собраніи у полицмейстера та же безтолковщина. Разногласіямъ нѣтъ конца; одинъ говоритъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, а потомъ самъ же прибавляетъ: „а можетъ быть и не дѣлатель"; другой утверждаетъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, но тутъ же говоритъ: „а, впрочемъ, чортъ его знаетъ!" Почтмейстеръ, послѣ нѣкотораго размышленія, потрясающимъ голосомъ заявляетъ, что Чичиковъ не кто иной, какъ капитанъ Копѣйкинъ, и разсказываетъ повѣсть объ отставномъ капитанѣ безъ руки и ноги, который пріѣхалъ за получкою награды въ Петербургъ, но, не получивъ ея, надѣлалъ дерзостей чиновникамъ какой-то канцеляріи, былъ высланъ изъ столицы по этапу и затѣмъ сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ. Когда полицмейстеръ, въ опроверженіе такой нелѣпости, замѣчаетъ, что у Чичикова обѣ руки и ноги на мѣстѣ, то почтмейстеръ, хотя и называетъ себя телятиной, тѣмъ не менѣе оправдывается, говоря, что это ничего не значитъ, что въ Англіи усовершенствована механика и тамъ отлично выдѣлываютъ искусственныя ноги. Догадки являются одна другой нелѣпѣй; кто-то высказываетъ даже, что Чичиковъ не кто иной, какъ переодѣтый Наполеонъ. Потерявъ голову, чиновники обращаются къ Ноздреву, который первый выпустилъ исторію о мертвыхъ душахъ. Для Ноздрева, какъ видно, не существовало никакихъ сомнѣній: на всѣ вопросы онъ отвѣчаетъ положительно, что Чичиковъ дѣйствительно накупилъ мертвыхъ душъ, что онъ шпіонъ, дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, а въ концѣ концовъ несетъ такую дичь, что чиновники, какъ ни глупы, отходятъ отъ него прочь. Такъ о личности Чичикова никто ничего и не узналъ. Прокуроръ болѣе всѣхъ встревоженъ: онъ начинаетъ задумываться и вдругъ умираетъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого. Чичиковъ рѣшительно ничего не зналъ о суетѣ, происходившей въ городѣ по поводу его покупокъ, и сидя по болѣзни дома, удивлялся только тому, что ни одинъ изъ чиновни-

ковь не навѣстилъ его. Почувствовавъ себя лучше, онъ отправляется съ визитомъ къ губернатору, но къ удивленію узнаетъ, что его не приказано принимать; тогда онъ ѣдетъ къ другимъ чиновникамъ, но и тѣ или не принимаютъ его вовсе, или такъ смущаются его появленіемъ, что не могутъ выговорить и двухъ словъ. Чичиковъ возвращается въ гостинницу въ рѣшительномъ недоумѣніи. Является Ноздревъ; отъ него Чичиковъ узнаетъ о сплетнѣ, которую распустили о немъ насчетъ похищенія губернаторской дочери, и о переполохѣ, который произвела въ городѣ покупка имъ мертвыхъ душъ. Выпроводивъ Ноздрева, Чичиковъ отдаетъ приказъ Селифану приготовиться къ отъѣзду изъ города.

Глава XI. Въ началѣ этой заключительной главы поэмы описывается отъѣздъ Чичикова изъ города N и его встрѣча съ похоронной процессіей, которая тянулась за гробомъ умершаго прокурора. Затѣмъ авторъ, сдѣлавъ характеристику русской природы и путешествія по русскимъ дорогамъ, подробно разсказываетъ жизнь Чичикова до начала поэмы, описываетъ его дѣтство, первые шаги его служебнаго поприща, его плутни и мошенничества въ таможнѣ, и заканчиваетъ поэму лирическимъ обращеніемъ къ Россіи и русской тройкѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой части „Мертвыхъ душъ“. Въ его основаніи лежитъ скорѣе созданный поэтической фантазіей вымыселъ, нежели дѣйствительный фактъ. Тѣмъ не менѣе, вымыселъ этотъ весьма правдоподобенъ: нравы русскихъ людей того времени, безцеремонное отношеніе тогдашняго чиновничества къ закону и къ чувству общественной нравственности находились въ такомъ состояніи, что дерзкое предпріятіе Чичикова очень легко могло осуществиться. Истинный смыслъ содержанія поэмы, ея основная идея выражается собственно не въ вымыслѣ, а въ тѣхъ подробностяхъ, съ какими изображена въ произведеніи Гоголя русская жизнь въ ея типическихъ и въ высшей степени оригинальныхъ чертахъ.

Характеристика современнаго помѣщичьяго быта представлена въ художественно созданныхъ типахъ Манилова, Собакевича, Коробочки, Плюшкина и Ноздрева. Хотя въ этихъ людяхъ много

общаго, что объясняется одинаковыми общественными условіями, среди которыхъ они жили, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ имѣетъ оригинальныя и типическія черты. Маниловъ это идеалъ приторной сентиментальности, соединенной съ безграничной душевной пустотой. Предоставивъ все хозяйство плуту-приказчику, Маниловъ проводитъ время въ праздныхъ мечтаніяхъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, объ огромнѣйшемъ домѣ съ высокимъ бельведеромъ, на которомъ можно было бы пить чай и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ. Это мечтательное бездѣйствіе отражается и на всемъ его хозяйствѣ. Сѣренькія бревенчатыя избы, отсутствіе всякой зелени, общипанный пѣтухъ, безпорядокъ въ домѣ, гдѣ рядомъ съ мебелью, обитой щегольской матеріею, непремѣнно находятся два кресла, обтянутыя парусиной — вотъ необходимые внѣшніе признаки того быта, среди котораго спокойно живетъ Маниловъ. Въ бесѣдѣ съ Чичиковымъ Маниловъ высказываетъ, что пріятно съ добрымъ пріятелемъ „слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелить душу“. Но въ устахъ его это только одни пустыя слова; въ дѣйствительности же это былъ человѣкъ совершенно неразвитый и необразованный: „въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14-й страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года“. Красивыя рѣчи; приторно-вѣжливое обращеніе для Манилова представляютъ верхъ человѣческой добродѣтели. Какъ человѣкъ ума ограниченнаго, онъ не въ состояніи замѣтить притворства и лжи, разъ онѣ выражены чувствительной и красивой фразой: слова Чичикова о мнимыхъ гоненіяхъ за правду, совершенно растрогиваютъ его, на глазахъ его навертываются даже слезы, и онъ такъ горячо жметъ руку гостя, что тотъ не знаетъ какъ ее выручить. У Манилова всѣ были самые добрые, предпочтительнѣйшіе и прелюбезнѣйшіе люди, къ нимъ же онъ причисляетъ и самого Павла Ивановича, говоря, что съ радостью отдалъ бы половину своего состоянія, чтобы имѣть хоть часть тѣхъ достоинствъ, которыя, по его мнѣнію, имѣлъ Чичиковъ. Довѣрчивый и снисходительный до смѣшного, Маниловъ только на минуту смущается покупкою мертвыхъ душъ; когда же Чичиковъ высказываетъ, что предпріятіе его

нисколько не противорѣчитъ гражданскимъ законамъ, что онъ самъ потерпѣлъ за правду, за то, что былъ чистъ совѣстью, подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной и сиротѣ горемыкѣ, то Маниловъ, ошеломленный фразой, вѣритъ этимъ словамъ, уступаетъ Чичикову мертвыя души задаромъ и по отъѣздѣ гостя долго мечтаетъ о томъ, какъ онъ находится въ самой тѣсной дружбѣ съ Чичиковымъ и какъ начальство, узнавъ объ этомъ, пожаловало ихъ генералами.

Въ фигурѣ Собакевича поэтъ представляетъ намъ другія черты. Собакевичъ грубъ и неотесанъ: нисколько не стѣсняясь присутствіемъ гостя, онъ во время обѣда разсказываетъ о томъ, что губернаторскій поваръ-французъ подалъ однажды на столъ ободраннаго кота вмѣсто зайца. Собакевичъ большой врагъ французской кухни: за его столомъ подаютъ все русскія кушанья и въ огромномъ количествѣ. „Возьмите барана, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову:— это бараній бокъ съ кашей! Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы, да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это! Выдумали діету, лечить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ. Нѣтъ это все не то... Толкуютъ просвѣщеніе, а это просвѣщеніе — фукъ! У меня не такъ. У меня, когда свинина—всю свинью давай на столъ, баранина—всего барана тащи, гусь—всего гуся. Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ". Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ въ тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки. Въ противоположность Манилову, Собакевичъ безъ церемоніи отзывается о городскихъ властяхъ, называетъ ихъ дураками, подлецами и разбойниками. Обжора и совершенный медвѣдь по своимъ внѣшнимъ свойствамъ, Собакевичъ представляетъ собою образецъ натуры безчувственной и равнодушной ко всему, кромѣ ѣды и мелкой наживы. „Казалось (говоритъ поэтъ) въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣши-

тельно никакого потрясенія на поверхности. Но главная типическая черта Собакевича—это его кулачество. Видя, что сдѣлка съ Чичиковымъ представляетъ для него лакомый кусочекъ, онъ сразу запрашиваетъ по сту рублей за душу. Чичиковъ, разумѣется, удивляется такой цѣнѣ и предлагаетъ полтора рубля, но Собакевичъ, какъ лавочникъ, начинаетъ восхвалять своей товаръ. „Да чего вы скупитесь?“ говоритъ онъ, „право не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ наотборъ“, и потомъ перечисляетъ достоинства каретника Михѣева, плотника Пробки, сапожника Максима Телятникова, который что шиломъ кольнетъ, то и сапоги. Чичиковъ не соглашается. Собакевичъ сбавляетъ свою цѣну на половину и съ намѣреніемъ обмануть покупателя намекаетъ ему, что подобнаго рода покупки не всегда позволительны. Когда же Чичиковъ говоритъ послѣднюю цѣну—два рубля съ полтиною и собирается уходить, то Собакевичъ удерживаетъ его, отдаетъ ему души по его цѣнѣ, и въ концѣ концовъ плутуетъ, вписывая въ реестръ крестьянъ бабу.

У Собакевича тугой, сосредоточенный характеръ. Къ тому же разряду людей относятся Коробочка и Плюшкинъ. Скопидомство и мелкая разсчетливость — главныя черты въ характерѣ Коробочки. „Это была одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемножку деньженокъ въ нестрядевые мѣшочки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшочекъ собираютъ всѣ цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертаки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа“. Чичиковъ называетъ Коробочку дубиноголовою. И глупость ея, дѣйствительно, изумительная: она никакъ не можетъ понять, что покупка умершихъ крестьянъ должна состояться только на бумагѣ, и серьезно думаетъ, что покупщикъ будетъ откапывать ихъ изъ земли. Коробочка видитъ, что дѣло-то, по разговорамъ Чичикова, какъ будто и выгодно, но въ то же время боится, какъ бы покупщикъ не обманулъ ее; до сихъ поръ она продавала пеньку и сало, а о такомъ товарѣ, о которомъ говоритъ Чичиковъ, ей ни разу не

приходилось слышать. Съ крайнею безтолковостью соединяется въ Коробочкѣ и суевѣріе. Когда Чичиковъ, выйдя изъ терпѣнія посулилъ ей чорта, то чорта помѣщица испугалась необыкновенно. „Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!“ вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ, „еще третьяго дня всю ночь снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да видно въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ“. При всемъ томъ въ Коробочкѣ есть и хорошія черты: она гостепріимна и любитъ заниматься хозяйствомъ; крестьянскія избы ея деревеньки поддерживаются какъ слѣдуетъ и показываютъ довольство обитателей; въ сараяхъ видны запасныя телѣги.

Типическою чертою въ характерѣ Плюшкина является скупость. Поэтъ изображаетъ два періода въ жизни этой личности. Сначала Плюшкинъ совершенно вѣрно смотрѣлъ на хорошее веденіе хозяйства, какъ на источникъ счастія и благосостоянія семьи и подвластныхъ ему крѣпостныхъ. Но ошибочно думая, что хозяйство заключается въ однѣхъ мелочахъ, онъ на нихъ только и начинаетъ обращать вниманіе, собираетъ всякую дрянь какую находитъ на улицѣ, и мало-по-малу доходитъ до ужасающей скаредности. Скупость, обратившаяся въ страсть, всецѣло овладѣваетъ Плюшкинымъ: изъ хорошаго и гостепріимнаго помѣщика, у котораго сосѣди учились когда-то хозяйственной мудрости и благоразумной экономіи, онъ обращается въ жалкаго, ничтожнаго человѣка, одѣтаго въ лохмотья. Онъ богатъ, но, какъ всѣ скупцы, скрываетъ свои богатства отъ людей, не любитъ говорить о нихъ и представляетъ себя человѣкомъ неимущимъ.

— Мнѣ, однакожъ, сказывали, скромно замѣтилъ Чичиковъ, что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ. Онъ пересмѣшникъ; видно хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ—тысяча душъ, а поди-тка сосчитай, а ничего не начтешь!

Подъ вліяніемъ страсти измѣняются и отношенія Плюшкина къ людямъ его окружающимъ: онъ дѣлается подозрительнымъ, смотритъ на крѣпостныхъ, какъ на воровъ и мошенниковъ, готовыхъ каждую минуту пустить его по міру. Не найдя четвертуш-

ки бумаги, Плюшкинъ называетъ ключницу Мавру воровкой и разбойницей, пугаетъ ее страшнымъ судомъ, на которомъ черти припекутъ ее желѣзными рогатками. Онъ ни гроша не даетъ виновной дочери и сыну, не можетъ продать своихъ продуктовъ покупщикамъ, ибо запрашиваетъ съ нихъ очень дорого; а между тѣмъ таскаетъ въ домъ и сноситъ въ одну кучу все, что ему попадается: и ведро, забытое у колодца, и шнору, потерянную проѣзжимъ офицеромъ, и обломокъ лопаты. Крестьянскія избы въ его деревнѣ ветшаютъ и разваливаются, въ самомъ домѣ всѣ окна закрыты ставнями; въ его прихожей валяется пара сапогъ, единственная для всей дворни: слуги, отплясывая по двору босикомъ, при входѣ въ барскія комнаты, попеременно надѣваютъ эти сапоги и потомъ уже являются въ гостинной. „Плюшкинъ (слова Стоюнина) вездѣ является передъ нами русскимъ помѣщикомъ того времени, когда крестьяне были въ полной зависимости отъ помѣщика. При другихъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ отношеніяхъ крестьянинъ не позволилъ бы такъ обирать и раззорять себя; дворовый человѣкъ не сталъ бы переносить отъ него такихъ обидъ и брани: каждый изъ нихъ обратился бы къ защитѣ закона, который и ограничилъ бы его своеволіе. Страсть его здѣсь не нашла бы себѣ пищи и должна бы была выразиться иначе, сообразно съ другою обстановкою. Здѣсь Плюшкинъ, пользуясь своимъ помѣщичьимъ правомъ, безсознательно дѣйствовалъ во вредъ своимъ выгодамъ, но оставаясь вѣрнымъ своей страсти. Ослѣпленный ею, онъ грабилъ своихъ крестьянъ, думая увеличить свои богатства и усилить свое хозяйство, развращалъ дворовыхъ людей обидными подозрѣніями, полагая, что сохранитъ тѣмъ цѣлость всего накопленнаго имъ добра. Ему не приходило на умъ, что при крѣпостныхъ отношеніяхъ помѣщикъ, раззоряя крестьянъ, самъ себя раззоряетъ, и наоборотъ, только и могъ богатѣть тотъ помѣщикъ, у котораго крестьяне имѣли возможность жить въ нѣкоторомъ довольствѣ. Онъ не разсуждалъ объ этомъ, и слѣдствіемъ были побѣги крестьянъ и общая нищета, съ которой уже нечего было взять. Но какъ ни великъ былъ разрывъ между Плюшкинымъ и обществомъ, отъ котораго онъ отказался въ своей замкнутой, уединенной жизни, однакожъ и онъ не могъ совершенно отречься отъ нѣкоторыхъ національныхъ

обычаевъ, которые пользуются въ народѣ общимъ уваженіемъ и считаются обязательными для всякаго, какъ напр. гостепріимство. Хотя онъ и признаетъ, что завели пренеприличный обычай ѣздить въ гости, потому что черезъ это бываетъ упущеніе въ хозяйствѣ, и хотя объясняетъ, что у него кухня предурная, того и гляди, что пожаръ сдѣлается; но когда Чичиковъ представляется ему благодѣтелемъ, то первая мысль скупого помѣщика была угостить неожиданнаго благодѣтеля. Конечно, это угощеніе выразилось въ самыхъ карикатурныхъ формахъ, какъ и слѣдуетъ у подобнаго скряги; страсть и здѣсь проявилась во всемъ своемъ безобразіи, точно такъ же, какъ и въ желаніи сдѣлать благодѣтелю какой-либо подарокъ. Наконецъ торгъ душами отлично изображаетъ намъ и скупого, и помѣщика, и русскаго, представляетъ такую сцену, какая могла быть только въ извѣстное время въ русской жизни".

Рѣзкою противоположностью Плюшкину является типъ Ноздрева. Это человѣкъ съ наклонностями и страстью къ безпрерывной кипучей дѣятельности, но при полномъ отсутствіи нравственнаго развитія, эта дѣятельность проявляется въ самыхъ грубыхъ и даже неблаговидныхъ формахъ. Картежная игра, по временамъ мошенническая, безпробудное пьянство и кутежи — вотъ обычныя и любимыя развлеченія Ноздрева. Идеалы его штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ, да поручикъ Кувшивниковъ — оба кутилы во всей формѣ. Гоголь иронически называетъ Ноздрева человѣкомъ *историческимъ:* ни одно собраніе, гдѣ онъ бывалъ, не обходлось безъ какой-нибудь скандальной исторіи. Фамильярность Ноздрева безгранична: мало знакомый Чичикову, онъ уже говоритъ ему *ты*, хотя тотъ и не подаетъ ему никакого повода, называетъ его свинтусомъ, скотоводомъ и т. п. эпитетами. Образъ жизни Ноздрева, весьма естественно, отражался и на дурномъ состояніи его хозяйства: конюшни его были пусты, поля во многихъ мѣстахъ состояли изъ кочекъ, въ домѣ господствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Равнодушный къ хозяйству Ноздревъ, тѣмъ не менѣе, энергиченъ и терпѣливъ, когда дѣло касается плутовства; онъ по цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ комнаты и съ большимъ вниманіемъ занимается „подбираніемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ

дюжинъ картъ одной таліи *), но самой мѣткой, на которую можно было бы надѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга". Типическою чертою Ноздрева является беззастѣнчивое лганье, соединенное нерѣдко съ желаніемъ нагадить ближнему безъ всякой задней мысли и нужды. „Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку, и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь подружески и даже говорилъ: „вѣдь ты такой подлецъ— никогда ко мнѣ не заѣдешь". На балѣ у губернатора, обличая Чичикова въ торговлѣ мертвыми душами, Ноздревъ въ то же время ведетъ такую рѣчь, вполнѣ обрисовывающую его характеръ: „Ужъ ты братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали, вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: „Ноздревъ! скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ?" скажу—Чичиковъ, ей Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!" Въ этомъ человѣкѣ мы видимъ полное отсутствіе нравственныхъ убѣжденій: Ноздревъ угощаетъ Чичикова крѣпкимъ виномъ съ тою цѣлью, чтобы обыграть его въ карты; онъ нисколько не обижается на тѣхъ, которые прибьютъ его, и обращается съ ними подружески, какъ ни въ чемъ не бывало. Ноздревъ человѣкъ юркій и въ высшей степени неугомонный. Юркость характера Ноздрева, соединенная съ хвастовствомъ и ложью, особенно хорошо выражается въ разговорѣ съ Чичиковымъ по поводу мертвыхъ душъ, когда онъ предлагаетъ послѣд-

*) Талія въ банкѣ, штосѣ и др. азартныхъ играхъ называется все продолженіе времени, пока у банкомета не выйдетъ вся колода картъ, которой онъ мечетъ (Словарь Толля).

нему купить у него сначала десятитысячнаго жеребца за четыре тысячи, а души дать въ придачу, потомъ каурую кобылу и сѣраго коня за двѣ тысячи, наконецъ шарманку за девятьсотъ руб. Игра въ карты любимое развлеченіе Ноздрева. Но выигрышъ его не прельщаетъ: „если случится ему обыграть какого-нибудь простачка, то онъ тотчасъ накупитъ всякой всячины и не только все это проиграетъ, но спуститъ еще свою четверню съ коляской и кучеромъ, такъ что отправляется въ коротенькомъ сюртучкѣ и архалукѣ искать пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ".

Таковы типы помѣщиковъ. Гоголь весьма художественно, вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, воспроизвелъ въ нихъ тѣ существенные недостатки и пороки, которые развиты были въ средѣ помѣщичьяго сословія средней руки подъ вліяніемъ господства крѣпостного права. Такъ же художественно и своеобразно, хотя и не съ такими подробностями, изображаются въ поэмѣ и типы городскихъ обывателей-чиновниковъ. Ихъ жизнь, полная нравственнаго убожества, такъ же пуста, такъ же безсодержательна, какъ и жизнь Ноздревыхъ, Собакевичей и т. п. людей. Между чиновниками являются преоригинальные типы: губернаторъ занимается вышиваніемъ по тюлю, полицмейстеръ навѣдывается въ лавки и гостинный дворъ, какъ въ собственную кладовую. Халатное отношеніе къ исполненію обязанностей службы вмѣстѣ со страхомъ къ высшему начальству, незаконные поборы ради удовлетворенія прихотей женъ, добродушіе и гостепріимство, соединенныя съ замѣчательнѣйшею наивностью — вотъ тѣ черты которыми характеризуется современное автору провинціальное чиновничество. Всѣ чиновники обращаются съ Чичиковымъ, какъ съ дорогимъ близкимъ родственникомъ, называютъ его ласкательными именами, угощаютъ его. Расположеніе ихъ къ этому человѣку еще болѣе увеличивается, когда они узнаютъ, что дорогой ихъ Павелъ Ивановичъ не болѣе, не менѣе какъ милліонеръ. Но, какъ только пошли темные слухи о Чичиковѣ, тѣ же чиновники сразу охладѣваютъ къ прежнему любимцу: рукопожатія и лобызанія смѣняются холоднымъ обращеніемъ и даже отказомъ въ пріемѣ. Нравы значительной части губернскаго общества, его своеобразные взгляды, способъ выраженія превосходно изображаются въ слѣд. отрывкѣ:

„Покупки Чичикова сдѣлались предметовъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многіе отзывались совершеннымъ незнаніемъ предмета. „Конечно“, говорили иные, „это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ точно хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой.— „Это бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы нечего, Степанъ Дмитріевичъ, но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ — ни избы, ни двора, — убѣжитъ какъ дважды два, навострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь“. — „Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу“.—„Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова? Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія“. — „Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и естъ мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ—просто въ мірѣ да и по исторіи тоже“. — „Никогда, никогда“, говорилъ управляющій казенными фабриками, „повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтается крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ,

чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину, и подзатыльникъ".— „Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя".—„Да, найдете управителя; все мошенники!" — „Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ".—„Это правда!" подхватили многіе. „Знай господинъ самъ хотя сколько нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей — у него будетъ всегда хорошій управитель". Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000 нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно найти и за 3000. Но управляющій сказалъ: „Гдѣ же вы его сыщите? развѣ у себя въ носу?". Но предсѣдатель сказалъ: „Нѣтъ не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно— Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова!" Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его существуетъ власть капитана-исправника, что капитанъ-исправникъ, хотя самъ и не ѣзди, а пошли только на-мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго ихъ мѣста жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на счетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія. которыя уже черезъ-чуръ отзывались военною жестокостью и строгостью, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія. Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщали

даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичикова благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленныя имъ крестьяне отмѣнно смиреннаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ".

Такъ же рельефно представлены типы провинціальныхъ женщинъ. Любовь и увлеченіе свѣтскими приличіями доходитъ у нихъ до смѣшного; визиты онѣ считаютъ священною вещью и изъ-за ихъ манкировки ссорятся такъ, что на всю жизнь дѣлаются непримиримыми врагами. Ихъ разговоръ отличается всегда глупою чопорностью: „Онѣ никогда не говорили: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка". Сплетничество, доведенное до совершенства, балы и вечеринки, любовныя интрижки, вѣчные толки и разговоры о выкройкахъ, да о модныхъ нарядахъ—вотъ чѣмъ разнообразится жизнь этихъ милыхъ, но въ сущности ничтожныхъ существъ. Пустота такой жизни, конечно, объясняется ненормальностью воспитанія, какое получала тогдашняя женщина. Гоголь такъ описываетъ комическія стороны этого воспитанія: „Манилова воспитана хорошо; а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ, а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ ужъ хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разные бываютъ методы".

Черты простонароднаго быта изображены очень кратко въ образахъ Петрушки и кучера Селифана, а также въ разсужденіяхъ Чичикова, когда онъ просматриваетъ роспись крестьянъ, пріобрѣтенныхъ имъ у помѣщиковъ. Лакей Петрушка отличается молчаливостью, онъ любитъ спать, не раздѣваясь, и носитъ всегда съ собою какой-то особенный воздухъ, отзывающійся жилымъ покоемъ. Кучеръ Селифанъ—человѣкъ серьезнаго нрава; выпивши, онъ ужасно любитъ, обращаясь къ лошадямъ, читать имъ и самому себѣ нравоученія. Во время дороги, когда бричка опрокидывается въ грязь, Селифанъ, не обращая вниманія на то, что баринъ барахтается въ грязи, становится передъ бричкою, подпирается обѣими руками въ бока и говоритъ совершенно равнодушно: „вишь ты и перекинулась“; когда же Чичиковъ обѣщаетъ его посѣчь, то онъ пренаивнѣйшимъ образомъ отвѣчаетъ: „какъ милости вашей будетъ угодно, коли высѣчь, то и высѣчь; я ни чуть не прочь отъ того. Почему же не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому-что мужикъ балуется: порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему-жъ не посѣчь?“ Въ разсужденіяхъ Чичикова Гоголь представляетъ еще нѣсколько чертъ характера простого народа: его неумѣлость въ стремленіяхъ къ легкой наживѣ и вѣчную жалобу на нѣмцевъ мѣшающихъ ему жить, его равнодушіе къ смерти, его бродяжничество, какъ слѣдствіе ненормальныхъ условій крѣпостного состоянія.

Связь отдѣльныхъ частей поэмы, разгадка основной ея мысли представляются въ характерѣ главнаго героя, отставного коллежскаго совѣтника Павла Ивановича Чичикова. Въ одномъ мѣстѣ поэмы Гоголь называетъ Чичикова хозяиномъ-пріобрѣтателемъ, т. е. такимъ практическимъ человѣкомъ, который стремится къ пріобрѣтенію богатства, думая, что въ немъ единственный источникъ всевозможнѣйшихъ удобствъ и благъ жизни. Страсть къ пріобрѣтенію начинаетъ развиваться въ Чичиковѣ еще съ дѣтства. Бѣдность и неприглядность семейной обстановки, сухая прописная мораль отца, сопровождавшаяся подчасъ колотушками, характеръ той школы, гдѣ учился мальчикъ и гдѣ на образованіе смотрѣли какъ на вещь постороннюю, а способности и даро-

ваніе считали вздоромъ разъ ученикъ обнаруживалъ внѣшнее благонравіе въ родѣ прислуживанія учителямъ—всѣ эти обстоятельства не могли, конечно, развить въ душѣ Чичикова добрыхъ началъ нравственности и направить его способности въ хорошую сторону. Совѣты отца угождать начальникамъ, водиться съ тѣми изъ товарищей, которые побогаче, а главное беречь и копить копѣйку, какъ самую надежную вещь въ свѣтѣ, заронились глубоко въ душу Павлуши. Вступивъ въ школу, онъ сейчасъ же и начинаетъ примѣнять отцовскую теорію къ практикѣ: держитъ себя въ классѣ смиренно, какъ его ни щиплютъ сзади, безпрестанно кланяется учителю, подаетъ ему „трехъ“, изобрѣтаетъ разнаго рода бездѣлушки и съ барышомъ продаетъ ихъ товарищамъ. Въ немъ уже тогда обнаруживаются свойства практическаго человѣка, для котораго всѣ средства хороши, разъ они ведутъ къ удовлетворенію личныхъ интересовъ. Въ годы юности, когда сердце человѣка еще не искушено соблазнами жизни, Чичиковъ уже успѣлъ заглушить въ себѣ добрыя чувства. „Когда учитель, у котораго учился Чичиковъ, былъ уволенъ отъ службы и впалъ въ нищету, то бывшіе ученики его умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилось безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: „Эхъ ты, жила!“ Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. „При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать“, произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: „Эхъ Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ“...

Практичность сплошь и рядомъ граничитъ съ беззастѣнчивымъ плутовствомъ, прикрытымъ маскою ловкаго обращенія, вѣжливости и самаго тонкаго приличія. Такимъ и представляется намъ Чичиковъ въ теченіе всего дѣйствія поэмы; изъ практическаго человѣка въ немъ выработался, подъ вліяніемъ благо-

пріятныхъ жизненныхъ условій, типъ замѣчательно-тонкаго плута. Съ первыхъ же шаговъ служебнаго поприща, въ качествѣ мелкаго чиновника казенной палаты, Чичиковъ уже опредѣляетъ себѣ цѣль! во что бы то ни стало, пробить дорогу, не затеряться въ толпѣ простыхъ служакъ. „Ему (говоритъ поэтъ) мерещились впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками, экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды. Все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе непостижимое имъ самимъ". Энергія Чичикова изумительна. Обличенный въ какой-нибудь плутовской продѣлкѣ, онъ не унывалъ. „Что-жъ", говорилъ онъ, „зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось—не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать", и снова съ удвоенною неутомимостью и адскимъ терпѣніемъ принимается за новую плутню, обнаруживая еще большую изобрѣтательность.

Посмотримъ, какъ ведетъ себя Чичиковъ, какія средства онъ употребляетъ въ борьбѣ съ тѣми силами, которыя ему нужно эксплоатировать для успѣха своего предпріятія. Зная отлично, что люди склонны придавать большое значеніе внѣшности, Чичиковъ серьезно занимается своимъ туалетомъ: онъ брѣется такъ, что щеки по гладкости и лоску дѣлаются похожими на настоящій атласъ, онъ всегда одѣвается въ модный фракъ. Когда по окончаніи карточной игры, затѣвается споръ, то Чичиковъ споритъ чрезвычайно искусно; онъ никогда не говоритъ: „вы пошли", но, „вы изволили пойти, я имѣлъ честь покрыть вашу двойку" и т. п. Какъ человѣкъ умный, Чичиковъ находчивъ и умѣетъ поддержать бесѣду даже о такомъ предметѣ, который ему мало извѣстенъ. „О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ—и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою—онъ показалъ, что ему не безъизвѣстны и судейскія продѣлки; было-ли разсужденіе о билліардной игрѣ—и въ билліардной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили и о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможен-

ныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто самъ былъ и чиновникомъ и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни поворотн, былъ очень порядочный человѣкъ".

Чичиковъ это живое олицетвореніе житейской мудрости въ практическомъ смыслѣ. Онъ обладаетъ замѣчательною способностью подмѣтить слабую сторону человѣка и ловко воспользоваться ею для своихъ выгодъ: его поступокъ съ суровымъ, безчувственнымъ повытчикомъ образецъ ловкости въ сферѣ житейской дипломатіи. Въ разговорѣ Чичиковъ умѣетъ приноровиться къ характеру человѣка. Замѣтивъ сентиментальность Манилова, его страсть къ сердечнымъ изліяніямъ, онъ пускаетъ въ оборотъ цѣлый потокъ чувствительныхъ фразъ о пріятностяхъ уединенной жизни, о наслажденіяхъ природой и, разсказывая о гоненіяхъ, какія будто бы испыталъ за правду, сравниваетъ себя съ баркой среди свирѣпыхъ волнъ. Напротивъ, съ Коробочкой онъ обходится безъ всякихъ церемоній, сулитъ ей чорта и сравниваетъ старуху съ дворняжкой, что лежитъ на сѣнѣ. Задумавъ мошенническую продѣлку, Чичиковъ ведетъ себя чрезвычайно осторожно: какъ хорошій полководецъ, онъ долго и серьезно обдумываетъ планъ дѣйствій, до тонкости изучаетъ обстановку, въ которой ему придется вести борьбу, и только тогда рѣшается пустить въ ходъ всѣ силы съ вѣрнымъ разсчетомъ на побѣду. Получивъ мѣсто въ таможнѣ, Чичиковъ ревностно принимается за свое дѣло; обнаруживаетъ необыкновенную проницательность и расторопность, честность и неподкупность. Такими дѣйствіями онъ добивается повышенія, и добившись, начинаетъ мошенническую продѣлку: вступаетъ въ сообщество съ контрабандистами и устраиваетъ остроумное путешествіе испанскихъ барановъ, которые совершивъ походъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ ними на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Чтобы замаскировать грязную сторону своихъ дѣяній, Чичиковъ всегда старается, конечно на словахъ только, показать себя ярымъ поклонникомъ и точнымъ блюстителемъ закона. Вотъ напр. отрывокъ изъ разговора съ Маниловымъ, характеризующій эту черту героя поэмы:

— И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости, сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ! сказалъ Чичиковъ. Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это я потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня—дѣло священное, законъ—я нѣмѣю предъ закономъ.

Для людей, которыхъ писатель представилъ въ образѣ Чичикова, не существуетъ понятія о нравственности: для нихъ важно только то, чтобы была соблюдена внѣшняя, формальная сторона закона. Во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ личный интересъ и матеріальный расчетъ у Чичикова стоятъ на первомъ планѣ. При встрѣчѣ съ блондинкой, Чичиковъ представляетъ себѣ симпатичныя черты характера этой дѣвушки, насколько могъ онъ судить о нихъ по ея наружности, хвалить ея красоту, т. е. повидимому, въ немъ пробуждаются добрыя чувства, но въ концѣ концовъ онъ заключаетъ свои мысли самыми практическими соображеніями: „А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ, богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава, или просто благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысченокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка“. Какъ низокъ уровень нравственнаго развитія въ Чичиковѣ, это видно изъ того, что онъ старается оправдать себя въ своихъ видимо безчестныхъ поступкахъ. „Почему жъ я? за чѣмъ на меня обрушилась бѣда! Кто жъ зѣваетъ теперь по должности? всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого; я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по міру; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я, другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? что скажутъ потомъ мои дѣти? Вотъ, скажутъ, отецъ—скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!“ Чичиковъ, конечно, человѣкъ умный: безъ ума ему трудно было бы достигнуть успѣха своему предпріятію, трудно

было бы выходить сухимъ изъ воды въ различныхъ случаяхъ жизни. Но умъ этотъ, къ сожалѣнію, направленъ въ дурную сторону. Вотъ какъ характеризуетъ эту черту самъ Гоголь словами откупщика Муразова, одного изъ героевъ второй части поэмы: „Ахъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ! (говоритъ Муразовъ) какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы съ такою же силою и терпѣніемъ да подвизались бы на добромъ пути, имѣя лучшую цѣль. Боже мой! Сколько бы надѣлали добра! Если бы хотя кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ бы столько усилій для него, какъ вы для добыванія своей копѣйки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра, какъ вы не жалѣли для добыванія своей копѣйки!“ Богатство тогда только можетъ быть осмысленно, тогда только возбудитъ уваженіе и любовь къ человѣку имъ обладающему, когда оно прилагается къ общему дѣлу, на пользу общественную. Чичиковъ же смотритъ на богатство, какъ на средство для удовлетворенія мелкихъ страстишекъ. Замѣтимъ при этомъ, что Чичиковъ достигаетъ успѣха не только благодаря своей изобрѣтательности и ловкости, но и вслѣдствіе снисходительности и нравственнаго ничтожества того общества, въ которомъ онъ вращается. Въ самомъ дѣлѣ, какой отпоръ могъ сдѣлать Чичикову какой-нибудь Собакевичъ, всю жизнь стремившійся къ легкой наживѣ, или та ватага чиновниковъ, представленныхъ въ поэмѣ, у которыхъ не было ни капли сознанія общественнаго долга? Чичиковъ не что иное, какъ продуктъ того же общества, плоть отъ плоти его; онъ отличается отъ него только большею степенью практичности ума, внѣшними манерами, умѣньемъ держать себя, нравственно же воспитанъ ничуть не лучше какого-нибудь Ноздрева или Собакевича.

Таковъ Чичиковъ. Это глубоко-задуманный общественный типъ: въ немъ поэтъ представляетъ такіе пороки, которые развились не въ отдѣльной какой-нибудь средѣ, а въ различныхъ слояхъ русскаго общества. Чичиковщина—это болѣзнь, симптомы которой проявляются нерѣдко и въ наше время. Если сопоставить характеристику Чичикова съ тѣми пошлыми чертами дѣйствительности, которыя писатель обрисовалъ во всѣхъ другихъ типахъ, то ясно представляется, что нравственное паденіе человѣка, т. е. развитіе

въ немъ низкихъ стремленій и доведенное до страсти поклоненіе золотому тельцу ради удовлетворенія своего эгоизма, обусловливается съ одной стороны отсутствіемъ въ человѣкѣ добрыхъ нравственныхъ началъ, съ другой ненормальностью той общественной среды, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Показать это паденіе въ живыхъ образахъ и картинахъ изъ современной жизни и было, какъ мы думаемъ, общею мыслью писателя, которую онъ проводитъ въ своемъ произведеніи.

Обозрѣвая содержаніе поэмы, мы видимъ, что разсказъ во многихъ мѣстахъ прерывается такъ называемыми *лирическими отступленіями*, въ которыхъ читатель знакомится съ мыслями и впечатлѣніями самого автора, съ его отношеніемъ къ тому, что изображено имъ въ его произведеніи. Остановимся на болѣе важныхъ отступленіяхъ. Въ началѣ шестой главы Гоголь вспоминаетъ о годахъ своего дѣтства и сравниваетъ ихъ съ эпохою зрѣлости. Въ годы дѣтства любопытнымъ взглядомъ всматривался онъ во все, что его окружало; ничто не ускользало отъ его свѣжаго тонкаго вниманія: картины жизни, занимавшія его молодое воображеніе, возбуждали живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи. Въ эпоху зрѣлости впечатлѣнія поэта получаютъ иное направленіе: онъ начинаетъ равнодушно смотрѣть на всякую незнакомую деревню, его охлажденному взору становится непріятно и несмѣшно. Можно думать, что въ этомъ отступленіи Гоголь намекаетъ на тотъ юморъ, который, являясь характеристическимъ свойствомъ его поэзіи, мѣнялъ свое направленіе съ развитіемъ таланта. Юношескій юморъ Гоголя проникнутъ былъ веселымъ смѣхомъ, но потому, что въ немъ много было неопредѣленнаго. Но чѣмъ ближе поэтъ сталъ подходить къ фактамъ дѣйствительности и чѣмъ болѣе онъ былъ строгъ къ выбору сюжетовъ, тѣмъ ярче бросалась ему въ глаза ихъ пошлая сторона: юморъ его сталъ глубже вникать въ общественную жизнь, открывать въ ней болѣзненныя стороны, которыя должны были возбуждать въ поэтѣ смѣхъ, соединенный съ грустью. Седьмая глава поэмы также начинается большимъ лирическимъ отступленіемъ, въ которомъ Гоголь представляетъ судьбу комическаго писателя, сравнивая ее съ судьбою писателя-идеалиста, въ произведеніяхъ котораго изо-

бражаются положительныя стороны жизни. Послѣдній, рисуя идеалы прекраснаго, вращаясь въ мірѣ отторгнутыхъ отъ земли и возвышенныхъ образовъ, пользуется громкою славою: ему рукоплещутъ люди, „при одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя, пылкія сердца“. Не такова судьба писателя, который воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ „потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь“, который изображаетъ не возвышенные, а обыденные характеры: его ждутъ не слова, не восторги, а презрѣніе и злоба современнаго общества. Гоголь съ печалью отмѣчаетъ фактъ такого презрительнаго отношенія къ комическому писателю, онъ видитъ въ этомъ заблужденіе общества, которое, по его словамъ, не хочетъ понять, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движеніе незамѣченныхъ насѣкомыхъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія. Какъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, такъ и въ данномъ отступленіи Гоголь, очевидно, старается показать, что люди, по крайней мѣрѣ большинство, не умѣютъ часто различать кривлянья балаганнаго скомороха отъ высокаго, восторженнаго смѣха, отчего и является несправедливая оцѣнка значенія истинно-комическаго писателя. Между тѣмъ, высокій, восторженный смѣхъ, какъ справедливо говоритъ Гоголь, исходитъ изъ глубокаго чувства любви къ человѣчеству и достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ. Весьма замѣчательны, какъ по идеѣ, такъ и по силѣ и глубинѣ чувства, тѣ лирическія отступленія, которыми заканчивается поэма. Обращаясь къ Руси, Гоголь въ общихъ чертахъ представляетъ ея природу въ сравненіи съ природою чужихъ странъ. Природа Россіи, по его словамъ, отличается бѣдностью: нѣтъ въ ней ни шумящихъ водопадовъ, ни сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса: это огромная, безпредѣльная, пустынная равнина, въ которой нѣтъ ничего, чтобы могло обольстить и очаровать вашъ взоръ. Тѣмъ не менѣе и эта скудная природа влечетъ къ себѣ поэта, онъ чувствуетъ какую-то непостижимую связь съ нею, ему нравится народная пѣсня, хотя заунывно-тоскливые звуки ея и болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ его душу. Описавъ высокопоэтическими словами любовь русскаго человѣка къ быстрой ѣздѣ, Гоголь подъ видомъ быстро несущейся тройки аллегорически изо-

бражаетъ нравственную мощь русскаго народа. Такимъ образомъ, несмотря на отрицательное изображеніе русской дѣйствительности, зависѣвшее, между прочимъ, и отъ свойства таланта, Гоголь, какъ истинный патріотъ, глубоко любилъ Россію и русскій народъ, вѣруя въ его силу и будущее призваніе.

Такимъ образомъ существеннымъ отличіемъ поэмы Гоголя отъ прежнихъ его произведеній является субъективность. „Но здѣсь надо разумѣть (слова Бѣлинскаго) не ту субъективность, которая по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ: но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостью, ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленіе внѣшняго міра, а чрезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго пафоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ напр., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, „который изъ великаго омута ежедневно-вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго курса своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко-отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы“; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ „писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земля, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи“; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что „вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шороховато-бѣдныхъ, неопрятно-плеснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея,

или среди однообразно хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего кромѣ сельской телѣги,—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, наприм., объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: „Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью“...

Помимо лирическихъ отступленій, поэма „Мертвыя души“ отличается еще и другими литературными особенностями. Оригинальность произведенія Гоголя прежде всего выражается въ созданіи характеровъ. Гоголь всегда предаетъ типу самыя яркія краски, легко объясняющія идею характера: по тѣмъ чертамъ скупого человѣка, которыя писатель изучилъ на многихъ людяхъ и слилъ въ рельефно-художественномъ образѣ Плюшкина, каждый читатель легко можетъ представить себѣ идею скупости и получитъ полное отвращеніе къ страсти, уничтожающей въ человѣкѣ все человѣческое. Наблюдательность у Гоголя была развита въ высшей степени. „Я, говоритъ онъ, (въ *Исповѣди)* никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только и выходило хорошо, что взято мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе сообра-

женія, а не воображенія. Чѣмъ больше вещей принималъ я въ соображенія, тѣмъ больше у меня вѣрнѣе выходило созданіе". Дѣйствительно,если исключить случайныя обмолвки поэта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ заставляетъ Чичикова, человѣка вообще лишеннаго гуманности и благородства, высказывать глубокія мысли о бытѣ народа или размышлять о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ росписку, то все остальное въ поэмѣ проникнуто тѣсною связью съ дѣйствительностью. Каждая личность поэмы, даже незначительная, въ родѣ, напримѣръ, лакея Петрушки или стараго повытчика, есть типъ, въ которомъ живо чувствуется полное согласіе съ духомъ времени, съ характеромъ эпохи, изъ которой взято содержаніе поэмы. Въ этомъ отношеніи Гоголь, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, обладалъ необыкновенною способностью непосредственнаго творчества, т. е. способностью воспроизводить каждый характеръ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми тончайшими его особенностями. „Я могъ бы (говоритъ Плетневъ) указать на каждый изъ выведенныхъ Гоголемъ характеровъ, какъ они окружаютъ читателя явленіями русской жизни. Но меня особенно поражаетъ доконченность въ объемѣ всякаго изъ нихъ. Указать на извѣстныя черты какого-нибудь лица можно и не бывши великимъ поэтомъ. У кого есть нѣсколько наблюдательности, памяти и соображенія, тотъ и достигнетъ до описанія удачнаго. Но исчерпать всю глубину недѣлимаго, постигнуть его во всѣхъ обстоятельствахъ, разобрать самыя противоположности его дѣйствій и привести ихъ къ одному началу—вотъ труднѣйшая задача, которую рѣшили одни геніальные писатели. Укажу на характеристику Ноздрева. Не говоря уже о томъ, какъ въ каждомъ его движеніи разыгрывается суета типической жизни, наблюдайте его во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ только авторъ встрѣчается съ нимъ—вы изумлены будете неистощимостью его оттѣнковъ, всегда новыхъ, всегда поэтическихъ, всегда истинныхъ, всегда однородныхъ при самыхъ противорѣчащихъ по наружности дѣйствіяхъ. Подлѣ нашего Ноздрева итальянецъ Яго *) покажется очеркомъ не болѣе: такъ широко провелъ Гоголь по картинѣ своею мастерскою кистью". (Собр. сочин. т. I, стр. 490).

*) Яго—дѣйствующее лицо въ трагедіи Шекспира „Отелло".

Обратимъ вниманіе еще на одну черту созданія характеровъ. Изображая пошлыя стороны людей, поэтъ вовсе не преслѣдуетъ исключительно сатирическія цѣли. Онъ не подбираетъ намѣренно подобныя стороны ради одного только смѣха или забавы читателей къ чему очень нерѣдко прибѣгаютъ ограниченные таланты: въ герояхъ своей поэмы писатель изображаетъ просто людей, какими они бываютъ въ дѣйствительности, а не одно только пошлое и отвратительное. Достаточно ограничиться двумя, тремя примѣрами. Маниловъ, безспорно, глупъ и пошлъ, но онъ человѣкъ не злой, его обманываютъ люди ему подчиненные; Собакевичъ обжора, грубъ и неотесанъ, но въ то же время онъ недурной хозяинъ, и мужику у него живется хорошо, то же самое можно сказать о Коробочкѣ, въ которой рядомъ съ глупостью и скопидомствомъ есть и хорошія черты, напр. гостепріимство. Даже въ мелочномъ, ничтожномъ и гадкомъ Плюшкинѣ мы видимъ человѣческія черты: онъ съ нѣкоторыми признаками сердечной теплоты вспоминаетъ о товарищѣ дѣтства, трогается добродушіемъ Чичикова и задумываетъ его отблагодарить. Правда, въ каждомъ изъ характеровъ Гоголь старается особенно рельефно выставить одну какую-нибудь черту и даже изображаетъ ее въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, такъ напр. въ Ноздревѣ лганье, въ Маниловѣ сентиментальность; но это дѣлается для яркости изображенія порока, въ интересахъ типичности, и подобное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ нисколько не отнимаетъ отъ нихъ той естественности, которая составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ художественнаго созданія характеровъ. Перейдемъ къ другимъ особенностямъ „Мертвыхъ душъ“. Нѣкоторые критики упрекали Гоголя въ томъ, что въ его поэмѣ изображается одна только пошлая сторона дѣйствительности, что среди ничтожныхъ лицъ нѣтъ ни одного, которое могло бы успокоительно дѣйствовать на душу читателя. Но Гоголь самъ объясняетъ, почему онъ не взялъ въ герои добродѣтельнаго человѣка. „А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои, и можно даже сказать, почему не взятъ. Потому, что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ злого добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго до того, что теперь нѣтъ на

немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ привлечь и плутоватаго. Итакъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка". Кромѣ того, примиряющимъ началомъ является тотъ юмористическій смѣхъ, который составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей поэмы Гоголя. Сущность юмора заключается въ несоотвѣтствіи формы съ содержаніемъ. „Напряженіе воображенія въ юморѣ (говоритъ Владиславлевъ въ своей „Психологіи") обратное тому, какое требуется для произведенія сатиры. Въ послѣдней великое и важное нарочно уменьшается и представляется незначительнымъ, въ юмористическомъ произведеніи, напротивъ, малое показывается великимъ. Отсюда понятно, что не всякое содержаніе доступно для юмора. Истинно великое въ дѣлахъ человѣческихъ, равно какъ и въ природѣ, не допускаетъ юмористической формы изложенія, и всякая попытка на нее будетъ безцѣльна... Лишь только юмористу приходится касаться глубокихъ чувствъ, онъ долженъ на это время покинуть свой тонъ; иначе юморъ будетъ казаться безсмысленнымъ и станетъ возбуждать негодованіе въ читателѣ. Что авторъ по временамъ, сообразно съ излагаемымъ содержаніемъ, мѣняетъ свой тонъ, это ни мало не вредитъ художественной цѣльности произведенія; напротивъ, контрастъ въ формахъ изложенія усиливаетъ впѣчатлѣніе: на немногихъ задушевныхъ страницахъ, которыя по временамъ смѣняютъ юмористическія, читатель отдыхаетъ, собирается съ духомъ, чтобы снова отдаться въ руки юмориста. За то все мелкое но тщеславное, пустое, но воображающее о себѣ очень много, пошлое, но считающее себя средоточіемъ въ жизни, рутина и невѣжество, полагающіе себя, какъ особую мудрость и т. д. все это можетъ давать прекрасный матеріалъ для юмориста. Говоря въ тонъ мелкимъ тщеславнымъ рутинерамъ и пошлякамъ, и еще преувеличивая ходульность ихъ воззрѣній, отношеній къ жизни, къ обществу и людямъ, представляя ихъ дѣйствія, событія въ ихъ жизни, персоны чрезвычайно значительными, юмористъ вызываетъ въ читателѣ осуждающій смѣхъ надъ этимъ міромъ". (Указать примѣры юмора въ поэмѣ). Юморъ Гоголя, какъ мы упомянули выше, съ развитіемъ таланта писателя, измѣнилъ свой характеръ. Въ юношескихъ произведеніяхъ, напр. въ „Вечерахъ на хуторѣ", юморъ Гоголя отли-

чается простодушною веселостью, въ немъ еще очень слабо проявляется свойство очертить всю пошлость пошлаго человѣка. Но затѣмъ послѣ описанія комической ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, которое кончается словами „скучно на этомъ свѣтѣ, господа“, характеръ юмора измѣняется: въ немъ сквозь зримый міру смѣхъ слышатся уже незримыя слезы. Такимъ характеромъ и отличается юморъ „Мертвыхъ душъ“ въ тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ писатель изображаетъ нравственное паденіе человѣка, его пустую жизнь, полную противорѣчій разумнымъ ея идеаламъ. Рисуя темныя стороны дѣйствительности, Гоголь далеко не былъ сатирикомъ въ общепринятомъ значеніи этого слова: въ его юморѣ, чуждомъ негодованія и злобы, много было любви къ жизни, стремленія къ идеалу и желанія добра. Характеристика Плюшкина заканчивается высокимъ нравственнымъ урокомъ: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости, могъ снизойти человѣкъ, могъ такъ измѣниться. И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте-жъ съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“.

Какъ относится Гоголь къ своимъ героямъ, можно видѣть изъ его словъ по поводу характера Коробочки:

„Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія. Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли, мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея по-

мѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ! Но мимо, мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою, вдругъ пронесется иная, чудная струя? еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо".

Даже образъ Чичикова, въ которомъ сгруппированы крупные недостатки человѣка, его порочныя страсти, внушаютъ поэту не злобу, а только грусть и сожалѣніе.

„Мертвыя души" представляютъ полную картину русской жизни. „При каждомъ словѣ поэмы (приводимъ слова Бѣлинскаго) читатель можетъ говорить: „здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!" Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и „подлеца чубараго" включительно. Не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ „поэмою", и не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ ней. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, все спокойно, истинно и глубоко".

„Мертвыя души"—произведеніе самобытнаго таланта писателя. Самыя обыкновенныя сцены и разговоры проникнуты новостью, естественнымъ движеніемъ, полнотою и рѣдкою объективностью. „Собственный, проницательный, вѣрный взглядъ Гоголя (говоритъ Плетневъ) возводитъ въ эстетическую сферу такія обстоятельства, изъ которыхъ обыкновенный писатель не извлекъ бы ничего, кромѣ натянутыхъ остротъ и скучныхъ шуточекъ. У Гоголя, напротивъ, никто не смѣшонъ, потому что въ жизни, дѣйствіяхъ каждаго есть истина, убѣждающая читателя. Перейдешь по всѣмъ отдѣленіямъ вещей и лицъ, не только начиная отъ Селифана, но и отъ самаго Чубараго, до легковоздушной институтки и ея отца, и ни въ чемъ не откроешь тѣни подложнаго или сомнительнаго: все

возникаетъ изъ закона внутренней жизни, слѣд. все появляется не для потѣхи, не отъ умысла на забаву, а по назначенію, по призванію природы".

Отдѣльныя описанія поэмы проникнуты замѣчательною вѣрностью природѣ и всегда выражены художественнымъ слогомъ, таково напр. описаніе сада Плюшкина (въ VI гл.) и дороги (въ XI гл.). Описывая какой бы то ни было предметъ, Гоголь касается самыхъ мелкихъ подробностей, но эти подробности такъ ловко сгруппированы и одушевлены нерѣдко такимъ неподдѣльнымъ комизмомъ, что получается картина въ высшей степени рельефная; таковы, напр. замѣчательныя описанія губернскихъ дамъ на балу у губернатора (VIII гл.) и разговора двухъ дамъ, просто пріятной съ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, описанія, превосходно рисущія передъ читателемъ картину провинціальныхъ нравовъ. Сравненія, встрѣчающіяся въ поэмѣ, заимствуются поэтомъ изъ обыденной жизни и всегда отличаются необыкновенною мѣткостью и картинностью. Приводимъ для образца нѣсколько примѣровъ.

Псы залились всѣми возможными голосами, одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ-будто за это получалъ Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно молодого щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контробасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ, тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла.

. . . . . .

Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на школьника, которому сонному товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то

есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренные косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города...

„Въ языкѣ поэмы (слова Плетнева) есть недосмотры. Гоголь изображеніемъ своимъ такъ сливается съ образомъ вещей и лицъ, о которыхъ разсказываетъ, или которыя заставляетъ дѣйствовать, что удобство или красоту размѣщенія словъ совсѣмъ опускаетъ изъ виду, лишь бы не ослабить силы представленія. Грамматическая критика, навѣрное, возьметъ за то свой полушечный оброкъ съ автора. Но въ замѣнъ ничтожныхъ недосмотровъ у Гоголя есть положительныя совершенства языка, красоты, вѣчно сіяющія у геніальныхъ писателей: сжатость выраженія, мѣткость и точность словъ и неразъединяемость ихъ отъ понятій“.

„Неправы тѣ (слова С. Шевырева), которые брезгаютъ содержаніемъ поэмы Гоголя, стороною жизни дѣйствительной, восхищаясь отвлеченно однимъ только его искусствомъ... Весь этотъ странный міръ сельскихъ и губернскихъ героевъ, открытый фантазіей Гоголя, міръ, о которомъ мы имѣли какое-то смутное понятіе, какъ во снѣ, но который теперь такъ ясно и живо, какъ будто на яву, совершается въ очахъ нашихъ, имѣетъ весьма глубокое и великое значеніе: Собакевичи, Ноздревы, городъ N, наши деревни, яркія картины внутренняго быта Россіи, представъ вамъ ясно среди вашего пышнаго сна, разрушаютъ много свѣтлыхъ очарованій, низведутъ васъ изъ міра мечтаній высокихъ въ міръ голой существенности и направятъ вниманіе ваше на такіе вопросы, которые безъ того не раздались бы, можетъ быть, въ умѣ вашемъ. Сдѣлка, соединяющая Чичикова съ лицами поэмы и составляющая

главное содержаніе, главное дѣйствіе, въ ней развиваемое, подаетъ поводъ ко многимъ комическимъ сценамъ, въ которыхъ неистощимый талантъ автора сумѣлъ такъ искусно представить одинъ и тотъ же мотивъ, разнообразія его по характерамъ тѣхъ лицъ, съ коими сходится Чичиковъ. Предметъ сдѣлки весьма затѣйливо придуманъ комическою фантазіею поэта, въ немъ ничего нѣтъ такого, чтобы наружно съ перваго взгляда насъ отвращало — это было бы и противно самимъ требованіямъ искусства, но по мѣрѣ того, какъ вы сквозь смѣхъ и игру фантазіи, проникаете въ глубь существенной жизни, вамъ становится грустно, и смѣхъ вашъ переходитъ въ тяжкую задумчивость, и въ душѣ вашей возникаютъ важныя мысли о существенныхъ основахъ русской жизни".

Гоголь назвалъ свое произведеніе поэмой, желая этимъ названіемъ придать особую важность тому, что разсказывается въ ней. Тѣмъ не менѣе, „Мертвыя души" есть въ сущности романъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Правда, въ содержаніи его нѣтъ любви, обычнаго элемента романа, но этотъ родъ поэзіи, служа всестороннимъ отраженіемъ человѣческой жизни, ни сколько не исключаетъ воспроизведенія и другихъ ея сторонъ, не менѣе чувствъ любви вліяющихъ на судьбу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества. „Мертвыя души" романъ общественный: рисуя въ художественныхъ образахъ картину современныхъ нравовъ, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною точностью раскрываетъ тѣ вопіющіе пороки и злоупотребленія, которые господствовали въ средѣ общественныхъ классовъ русской провинціи сороковыхъ годовъ. И въ этомъ отношеніи романъ Гоголя имѣетъ огромное значеніе въ русской литературѣ; его появленіе безспорно содѣйствовало пробужденію самосознанія русскихъ людей и изученію историческихъ судебъ Россіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

„МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

Уже съ появленіемъ первой части „Мертвыхъ душъ“ у Гоголя явилась мысль о продолженіи своего труда. Одновременно съ этимъ онъ начинаетъ задумываться о роли писателя вообще, о задачахъ и цѣли литературы и подъ вліяніемъ воззрѣній того кружка, среди котораго совершалось его собственное теоретическое развитіе, приходитъ къ тому выводу, что долгъ писателя въ поученіи людей, что въ его созданіяхъ жизнь должна сдѣлать какой-нибудь шагъ впередъ. Друзья Гоголя стали говорить ему, что смѣхъ вреденъ, что русская жизнь имѣетъ свои свѣтлыя стороны, которыми пренебрегать не слѣдуетъ. И вотъ Гоголь сталъ смотрѣть на свою поэму, какъ на такую книгу, которая, имѣя въ виду противодѣйствовать злу, сильно укоренившемуся въ русскомъ обществѣ, должна въ то же время заключать въ себѣ примѣры нравственности, изображать не только уклоненія отъ добродѣтели, но и самыхъ добродѣтельныхъ людей. Отраженіе этихъ воззрѣній Гоголя мы и видимъ во второй части „Мертвыхъ душъ“, гдѣ рядомъ съ комическими типами представлены личности идеальныя въ образахъ Улиньки, Костанжогло и Муразова. Изображая Костанжогло и Муразова среди вонiющей пустоты, противополагая ихъ Чичикову съ его вѣчнымъ стремленіемъ къ наживѣ путемъ мошенничества, Гоголь хотѣлъ показать, въ чемъ должна заключаться трудовая и дѣятельная жизнь и въ этомъ, надо думать, должно было состоять значеніе обоихъ характеровъ, если бы поэма была доведена до конца. Изъ положительныхъ характеровъ поэмы вполнѣ обработаннымъ является собственно характеръ Констанжогло, что же касается Улиньки и Муразова, то эти лица остались недоконченными. Констанжогло представленъ образцовымъ сельскимъ хозяиномъ: у него не пропадаетъ даромъ ни одинъ клочекъ земли; богатства свои онъ пріобрѣтаетъ усиленнымъ трудомъ, необыкновенною изобрѣтательностью, примѣрною заботливостью о крестьянахъ, любовью къ земледѣлію, которое считаетъ основою нравственнаго и матерь-

яльнаго благосостоянія народа. Личность Костанжогло авторъ старается обставить такъ, чтобы читатель возгорѣлся любовью къ этому образцу всевозможныхъ добродѣтелей. Рѣчи Костанжогло всегда разумны, всегда проникнуты здравымъ смысломъ. Костанжогло, по словамъ автора, не обдумываетъ своихъ мыслей заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня предъ каминомъ; онѣ у него родятся на мѣстѣ, и гдѣ приходятъ въ голову, тамъ же и превращаются въ дѣло. При всемъ томъ это лицо, по справедливому замѣчанію Писемскаго, есть не что иное, какъ идея, для выраженія которой пріисканы въ жизни только формы, и пріисканы посредствомъ собиранія свѣдѣній и бесѣдъ со свѣдущими людьми, а не чрезъ непосредственное столкновеніе съ жизнью. То же самое можно сказать и о личности Муразова, добродѣтельнаго откупщика, честно нажившаго десять милліоновъ состоянія. Вообще идеальныя личности Гоголю не удались. Изображая ихъ, Гоголь, очевидно, свернулъ съ пути анализа дѣйствительности, гдѣ онъ былъ великимъ мастеромъ, и стремясь, вопреки призванью, быть лирикомъ, создалъ такой высокій идеалъ, который трудно было воплотить въ живой художественный образъ; рисуя идеальныя личности, Гоголь забываетъ свои собственныя слова о томъ, что добродѣтельныхъ героевъ изъ головы не выдумаешь, если ихъ нѣтъ въ дѣйствительности. Отсюда фальшъ и тенденціозность въ изображеніи Костанжогло и т. п. лицъ. Тѣмъ не менѣе, многія мѣста и во второй части „Мертвыхъ душъ“, именно тѣ, гдѣ писатель создаетъ картины жизни подъ впечатлѣніемъ непосредственнаго творчества, проникнуты жизнью и глубокимъ юморомъ, обличаютъ весьма тонкаго наблюдателя дѣйствительности, какимъ обыкновенно представляется Гоголь въ теченіе всей своей литературной дѣятельности. Укажемъ на особенно замѣчательные характеры и сцены.

Въ первой главѣ второй части романа мастерски выполненъ Гоголемъ типъ помѣщика Тентетникова. Тентетниковъ это нравственно-развитый, образованный человѣкъ; но благодаря какому-то болѣзненному самолюбію, отсутствію энергіи и другимъ причинамъ обращающійся сначала въ недовольнаго, а потомъ въ байбака и небокоптителя. Мучимый честолюбіемъ, Тентетниковъ бросаетъ свое прекрасное имѣніе, уѣзжаетъ въ Петербургъ и поступаетъ на

службу въ какой-то департаментъ. Онъ сначала и свыкается со службой, но тутъ являются два друга, два огорченные человѣка. „Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованія подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя прежде онъ и не думалъ обращать вниманія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленія, въ которомъ онъ числился, человѣкъ наипріятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ“... Тентетниковъ бросаетъ службу и уѣзжаетъ въ свою усадьбу, въ тотъ чудный уголокъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Повидимому наступаетъ новый періодъ кипучей дѣятельности: Тентетниковъ энергично принимается за устройство своихъ крѣпостныхъ, входитъ во все, показывается на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ. Но это продолжается недолго. Видя что ему ничего не удается, что мужикъ продолжаетъ плутовать, несмотря на гуманность барина, Тентетниковъ, какъ человѣкъ нетерпѣливый, теряетъ всякую энергію и обращается въ деревенскаго байбака, человѣка, который, по мѣткому русскому выраженію, коптитъ небо. Нельзя, однако, сказать, что въ Тентетниковѣ окончательно замерзло всякое чувство. „Когда почта привозила газету и журналы и попадалось ему въ печати имя стараго товарища, успѣвшаго на поприщѣ государственной службы или науки, то тихая грусть овладѣвала Тентетниковымъ. Ему казалось противной жизнь его, и онъ со слезами на глазахъ вспоминалъ своего добраго и умнаго наставника“. На время жизнь Тентетникова оживляется знакомствомъ съ генераломъ Бетрищевымъ; онъ влюбляется въ его дочь Улиньку. Но дѣло и тутъ кончается ничѣмъ. Бетрищевъ принимаетъ молодого помѣщика весьма радушно, но Тентетниковъ, обидѣвшись на фамильярный тонъ, съ которымъ обращался къ нему генералъ, прекращаетъ сношенія съ его домомъ и невѣстою.

„Скрѣпя сердце, и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ при-

сутствіе духа, сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ и все внутри кипѣло. „Я долженъ благодарить васъ, генералъ, за ваше расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты*. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамильярному между нами обращенію". Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово (было имъ сказано) не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку ты (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова")...

Къ такому-то человѣку авторъ приводитъ своего героя Чичикова. Противоположность взглядовъ и понятій между этими двумя лицами превосходно выражается въ слѣдующей сценѣ разговора.

Одинъ разъ послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, Чичиковъ сказалъ такъ: „у васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только не достаетъ".— „Чего?" спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.—„Подруги жизни", сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: „А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться". Хоть бы слово сказалъ на это Тентетниковъ, точно какъ-бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна! Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: „А все-таки, какъ не переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію". Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или уже расположеніе духа у Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности,— онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: „На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ", и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и

увидѣлъ, что изъ-за одного слова „ты“ произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тентетникову и заключилъ: „Да онъ, просто, круглый дуракъ!“

„Андрей Ивановичъ, помилуйте!“ сказалъ онъ наконецъ, взявши его за обѣ руки, „какое-же тутъ оскорбленіе? что-жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты*?“

„Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго“, сказалъ Тентетниковъ, „но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе. Ты—это значитъ: „Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай мѣсто, стой у порога. Вотъ что это значитъ!“ Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

„Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ,—что-жъ тутъ такого?“ сказалъ Чичиковъ.

„Какъ!“ сказалъ Тентетниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову, „вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка!“

„Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!“ сказалъ Чичиковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ подумалъ про себя Тентетниковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Тентетниковъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ.

„Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему-жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?“

„Это другое дѣло“, сказалъ Тентетниковъ. „Если-бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ „ты“ и принялъ бы даже почтительно“.

„Онъ совсѣмъ дуракъ“, подумалъ про себя Чичиковъ. „Оборвышу позволить, а генералу не позволить!...“

Характеръ Тентетникова изображенъ Гоголемъ съ большою любовью, несмотря на всю комически-грустную косность этого типа; онъ окружаетъ его всѣми прелестями природы (см. описаніе усадьбы

Тентетникова въ самомомъ началѣ первой главы), отдѣляетъ его отъ другихъ лицъ, съ глубокимъ сочувствіемъ анализируетъ происхожденіе подобнаго рода людей.

Такими же тонкими чертами нарисованъ и Хлобуевъ. „Лицу этому (говоритъ одинъ критикъ) предназначалась великая будущность въ поэмѣ, и потому авторъ придалъ ему, такъ же какъ и Тентетникову, много такихъ частныхъ чертъ, которыя уже напередъ примиряютъ съ нимъ читателя. Въ послѣдней главѣ характеръ этотъ не выдержанъ, но при появленіи онъ производитъ на читателя эффектъ своей натуральностью. Человѣкъ умный, но по своему, отвлеченно разсуждающій съ глубокимъ знаніемъ свѣта о другихъ и дѣлающій промахи на каждомъ шагу въ жизни; дошедшій до глубокой нищеты нерадѣніемъ и небрежностью; ходящій въ продранныхъ сапогахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при первыхъ же деньгахъ покупающій заграничныя бездѣлушки, вполнѣ сознающій свою ничтожность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, силящійся воспитать такимъ же образомъ дѣтей своихъ, какъ самъ онъ былъ воспитанъ; однимъ словомъ вмѣстилище всевозможныхъ противорѣчій. И въ этомъ слабомъ духѣ одна только могущественная черта—теплое религіозное чувство. Хлобуевъ—глубокій общественный типъ!“

Такъ очерчены Гоголемъ типы современнаго ему поколѣнія, въ изображеніи которыхъ сквозь смѣхъ пробивается и грусть при видѣ людей съ хорошими задатками, но гибнувшихъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ жизни. Въ нѣсколько иномъ тонѣ представлены Бетрищевъ, Петръ Петровичъ Пѣтухъ и полковникъ Кашкаревъ. Бетрищевъ обрисованъ типическими чертами, это вполнѣ живое лицо. Гоголь такъ анализируетъ нравственную физіономію этого типа:

„Генералъ Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшные, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Самопожертвованіе, великодушіе, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому—изрядная подмѣсь себялюбія, честолюбія, самолюбія, мелочной щекотливости личной и многаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграм-

махъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему товарищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженіе, и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ ѳиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такою неровностью въ характерѣ, съ такими крупными яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ, если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость".

Бесѣда Чичикова съ генераломъ, изображенная мастерскою кистью, живо обрисовываетъ обоихъ героевъ поэмы.

„Поприще службы моей, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не по серединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ, „началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченіе оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ коммиссіи построеній, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣніемъ воспоенъ, терпѣніемъ спеленанъ и самъ, такъ сказать, ничто другое, какъ одно терпѣніе. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова, ни кисти, ни краски не съумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни моей, ищу уголка,

гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства“...

„У кого это?“

„У Тентетникова, ваше превосходительство“.

Генералъ поморщился.

„Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія“...

„Къ чему уваженія?“

„Къ заслугамъ вашего превосходительства“, сказалъ Чичиковъ. „Не находитъ словъ, не знаетъ, какъ загладить проступокъ. Говоритъ: „Если-бы я только могъ передъ его превосходительствомъ, чѣмъ-нибудь... потому что точно“, говоритъ, „умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество“, говоритъ...

„Помилуйте, что-жъ онъ?.. Да вѣдь я не сержусь!“ сказалъ смягчившійся генералъ. „Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ“.

„Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство. Преполезный человѣкъ, съ даромъ слова, и владѣетъ перомъ“.

„Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки“.

„Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки“...

„Что-жъ такое?“

„Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство“.

„Исторію! о чемъ исторію?“

„Исторію...“ тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: „исторію о генералахъ, ваше превосходительство“.

„Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?“

„Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ“, сказалъ Чичиковъ и самъ подумалъ: „Что это я за вздоръ такой несу!“

„Извините, я не очень понимаю... что-жь это, выходитъ? исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ-ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?“

„Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!“ сказалъ Чичиковъ.

„Такъ что-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ“.

„Робѣетъ, ваше превосходительство“.

„Какой вздоръ! Изъ-за какого-нибудь пустого слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать“.

„Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ“, сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ себѣ: „Генералы пришлись, однакоже, кстати! между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ сдуру“.

Въ высшей степени типиченъ помѣщикъ Пѣтухъ,—этотъ образцовый гастрономъ, весь день занятый вопросомъ о кушаньяхъ и удивляющійся тѣмъ людямъ, которые находятъ время скучать. Сцена, гдѣ Пѣтухъ съ присасываніемъ и причмокиваніемъ заказываетъ повару кулебяку, полна неподражаемаго комизма. Весьма натурально и живо представлены и два сына Пѣтуха, гимназисты Александа и Николаша. Въ образѣ ихъ Гоголь изображаетъ смѣшную сторону тѣхъ безпутныхъ юношей, которые пренебрегаютъ ученіемъ въ провинціи и сидя на школьной скамьѣ уже мечтаютъ о жизни въ столицѣ, чтобы тамъ вступить въ разрядъ шалопаевъ. Забавенъ также и полковникъ Коткаревъ съ своею страстью къ бумажному производству мелочныхъ дѣлъ, съ своимъ соболѣзнованіемъ о томъ, что онъ не могъ заставить бабъ ходить въ корсетахъ, тогда какъ въ Германіи онъ видѣлъ дочь мельника, умѣвшую играть на фортепьяно. Но лицо Коткарева не совсѣмъ удалось Гоголю, оно представлено нѣсколько карикатурно и съ единственною цѣлью посмѣяться надъ тѣми, которые заражены были слѣпою страстью перенимать иноземные порядки.

Главнымъ героемъ второй части поэмы является все тотъ же знакомый намъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, скупающій мертвыя души. И здѣсь Чичиковъ остается удивительно вѣрнымъ самому себѣ въ теченіе всего дѣйствія: каждое его слово, каждое движеніе проникнуты глубокимъ юморомъ. Особенно живо рисуется характеръ героя, когда онъ за поддѣлку духовнаго завѣщанія попадаетъ въ тюрьму. Сначала его безпокоитъ болѣе всего потеря

денегъ, потомъ, когда Муразовъ усовѣщиваетъ его, взывая къ хорошимъ чертамъ его натуры, онъ на минуту готовъ обратиться на путь истины". „Есть тайны души", говоритъ поэтъ, „какъ бы ни далеко отшанулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни коснѣлъ, твердѣя въ совращенной жизни, но если попрекнешь его имъ же, его достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ пробудится душа невольно, и весь онъ потрясается". Но когда появленіе Самосвистова возбуждаетъ въ душѣ Чичикова надежду на спасеніе, онъ опять становится тѣмъ же Чичиковымъ.

Таковы въ общихъ чертахъ герои и типы второй части „Мертвыхъ душъ". Надо сказать, что въ этомъ произведеніи вполнѣ обработанною является только первая глава, что же касается до остальныхъ главъ, то однѣ изъ нихъ сохранились съ большими пропусками, другіе представляютъ не что иное, какъ конспекты, по которымъ трудно возстановить разсказъ поэмы во всей его послѣдовательности. Тѣмъ не менѣе и сохранившіеся отрывки весьма важны, какъ для изученія литературной характеристики Гоголя, такъ и для знакомства съ тѣми мнѣніями писателя, которыя высказывались имъ въ послѣдніе годы его жизни.

Лучшими пособіями при изученіи второй части „Мертвыхъ душъ" могутъ служить: 1) статьи—А. Ѳ. Писемскаго, помѣщенныя въ Пол. собр. его сочиненій, и 2) статья о Гоголѣ А. Н. Пыпина въ его „Истор. Очеркахъ".

Темы для самостоятельныхъ письменныхъ работъ.

1) Справедливо ли нѣкоторые критики сравниваютъ „Мертвыя души" съ поэмами Гомера? (Пособіемъ можетъ служить томъ VI сочин. Бѣлинскаго стр. 433—444 и стр. 523—557). 2) Характеристика Хлобуева какъ человѣка и помѣщика. 3) Маниловъ и Собакевичъ (параллельная характеристика). 4) Характеристика помѣщичьяго быта на основаніи обѣихъ частей поэмы Гоголя. 5) О народности поэмы „Мертвыя души" со стороны формы и содержанія.

„РЕВИЗОРЪ“

Н. В. ГОГОЛЯ.

Разборъ комедіи для учащихся.

СОСТАВИЛЪ

С. БУРАКОВСКІЙ.

ИЗДАНІЕ ДЕВЯТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. А. Тихонова, Садовая, № 27.
1907.

Разборъ комедіи «Ревизоръ».

Историко-литературныя свѣдѣнія. Комедія „Ревизоръ“ относится къ тому періоду творчества Гоголя, когда отъ воспроизведенія картинъ, проникнутыхъ веселымъ смѣхомъ, онъ подъ вліяніемъ указаній и совѣтовъ Пушкина, обратился къ изображенію серьезныхъ сторонъ русской общественной жизни. „Я самъ почувствовалъ“, пишетъ Гоголь въ своей „Авторской исповѣди“, „что ужъ смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами“. Гоголь вообще съ большою строгостью и вниманіемъ относился къ отдѣлкѣ своихъ произведеній: „вслѣдствіе устройства головы моей (писалъ онъ Шевыреву) я могу работать только вслѣдствіе глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести и тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ“. Съ такою же строгостью Гоголь отнесся и къ комедіи „Ревизоръ“. Мысль о написаніи пьесы изъ русскихъ общественныхъ нравовъ занимала Гоголя еще въ 1833 году; по крайней мѣрѣ къ этому времени надо отнести планъ комедіи, которую онъ думалъ назвать „Владиміръ 3 степени“; но скоро онъ отложилъ разработку задуманнаго сюжета изъ опасенія, что пьеса не будетъ допущена къ представленію на сценѣ, а между тѣмъ, по его словамъ, „драма живетъ только на сценѣ, и безъ нея она какъ душа безъ тѣла“. Послѣ того Пушкинъ предложилъ Гоголю сюжетъ комедіи „Ревизоръ“. Пушкинъ разсказалъ Гоголю случай, бывшій въ городѣ Устюжнѣ Новгородской губерніи, гдѣ какой-то проѣзжавшій господинъ, выдавъ себя за чиновника министерства, обобралъ городскихъ жителей. Кромѣ

того, самого Пушкина принялъ за ревизора нижегородскій губернаторъ, когда поэтъ проѣзжалъ черезъ Нижній въ Оренбургъ для собиранія матеріаловъ о пугачевскомъ бунтѣ. На этихъ данныхъ и была задумана комедія „Ревизоръ“. Что Гоголь долго и много работалъ надъ отдѣлкою своей пьесы, видно изъ того, что первые ея наброски были сдѣланы въ 1834 году, а послѣдняя ея редакція относится въ 1842 году. Прослѣдимъ главнѣйшіе моменты дѣйствія комедіи.

Содержаніе комедіи. Первое дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ городничаго уѣзднаго города Сквозника-Дмухановскаго. Городничій читаетъ собравшимся у него чиновникамъ письмо отъ Андрея Ивановича Чмыхова, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что въ ихъ городъ ѣдетъ ревизоръ „инкогнито“, съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать уѣздъ. Зная за собою много грѣшковъ по части управленія уѣздомъ, городничій видимо встревоженъ; онъ хотя и даетъ, какъ опытный служака, совѣты своимъ подчиненнымъ, что каждый изъ нихъ долженъ сдѣлать, чтобы ревизоръ не замѣтилъ безпорядокъ, и даже проситъ вошедшаго почтмейстера Шпекина разпечатывать всякое письмо, чтобы узнать, нѣтъ ли въ немъ какого-нибудь донесенія, но, тѣмъ не менѣе, его сильно безпокоитъ проклятое инкогнито, гвоздемъ засѣвшее у него въ головѣ. Какъ городничимъ, такъ и другими чиновниками овладѣваетъ „страхъ ожиданія“; „у меня инкогнито проклятое (говоритъ городничій) сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что отворится дверь и тасть“... Въ это время, впопыхахъ и съ шумомъ, вбѣгаютъ городскіе помѣщики Бобчинскій и Добчинскій и сообщаютъ, что ревизоръ пріѣхалъ уже двѣ недѣли тому назадъ „на Василія Египтянина“ и проживаетъ въ гостиницѣ; за ревизора они приняли случайно проѣзжавшаго мелкаго петербургскаго чиновника Ивана Александровича Хлестакова. Городничій хотя и струсилъ, но на первыхъ порахъ думаетъ успокоить себя тою мыслью, что Бобчинскій и Добчинскій ошиблись, принявъ за ревизора кого-нибудь другого. Между тѣмъ, Бобчинскій продолжаетъ обстоятельно разказывать о происшествіи, потверждая несомнѣнность факта тѣмъ важнымъ для него обстоятельствомъ, что пріѣзжій чиновникъ весьма наблюдательный и заглянулъ даже въ тарелки, чтобы полюбопытствовать, что они съ Петромъ Ивановичемъ ѣли. Несомнѣнно, что ревизоръ пріѣхалъ, тѣмъ болѣе,

что городничій въ эту ночь видѣлъ странный сонъ: ему снились двѣ черныя неестественной величины крысы, которыя пришли, понюхали и пошли прочь. Что городничій повѣрилъ разсказу Бобчинскаго и принялъ Хлестакова за ревизора, въ этомъ нѣтъ никакой натяжки и фарса, какъ думали нѣкоторые изъ современныхъ комедіи критиковъ. Ошибка городничаго, по мнѣнію Бѣлинскаго, совершенно естественна: онъ видитъ во снѣ двухъ какихъ-то необыкновенныхъ крысъ, а сонъ для необразованнаго человѣка, какимъ былъ городничій, имѣетъ всегда мистическое значеніе; на другой день онъ получаетъ извѣстіе о томъ, что изъ Петербурга отправился чиновникъ для ревизіи ввѣреннаго ему уѣзда, притомъ „инкогнито“, стало быть сонъ въ руку; а какъ „у страха глаза велики“, то немудрено, что городничій, подъ вліяніемъ чувства страха и, прочтя въ письмѣ такія слова, какъ „инкогнито“ и „секретное предписаніе“, вполнѣ повѣрилъ разсказамъ Бобчинскаго, тѣмъ болѣе, что чиновникъ изъ Петербурга, а Петербургъ для городничаго (по словамъ Бѣлинскаго) былъ таинственной страной, фантастическимъ міромъ, котораго формъ онъ не можетъ и неумѣетъ себѣ представить. Отъ разсказовъ Бобчинскаго городничій приходитъ въ отчаяніе; онъ невольно вспоминаетъ о своихъ недавнихъ дѣяніяхъ: въ послѣднія двѣ недѣли невинно высѣчена унтеръ-офицерская жена, арестантамъ не отпускалась провизія и т. п., и все это заставляетъ застигнутаго врасплохъ городничаго воскликнуть въ порывѣ отчаянія: „Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники!“ Послѣ того городничій нѣсколько овладѣваетъ своимъ тревожнымъ состояніемъ; узнавъ, что ревизоръ молодой человѣкъ, онъ рѣшается отправиться одинъ или съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь непріятностей. Слѣдуютъ двѣ сцены съ квартальнымъ и частнымъ приставомъ; городничій даетъ имъ приказаніе привести все въ порядокъ, мимоходомъ ругаетъ купца Авдулина зато, что тотъ не прислалъ ему новой шпаги, и квартальнаго за то, что не по чину беретъ, и въ концѣ концовъ даетъ обѣщаніе, когда пройдетъ бѣда, поставить такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ, и для этого наложить на каждаго бестію купца доставить по три пуда воску. Городничій уѣзжаетъ, сопровождаемый Добчинскимъ, въ полномъ убѣжденіи, что Хлестаковъ и есть

тотъ чиновникъ, о которомъ сообщалось въ письмѣ. Первое дѣйствіе заканчивается сценой Анны Андреевны, жены городничаго, Она подбѣгаетъ къ окну и оттуда кричитъ мужу, чтобы онъ поскорѣе узналъ, съ какими усами ревизоръ, потомъ бранитъ дочь, которая своимъ кокетствомъ помѣшала ей узнать о ревизорѣ, и наконецъ приказываетъ служанкѣ Авдотьѣ бѣжать скорѣе, подсмотрѣть въ щелку и развѣдать, какіе у ревизора глаза, черные или нѣтъ. Такимъ образомъ, въ первомъ дѣйствіи авторъ знакомитъ насъ во 1) съ завязкой комедіи, которая заключается въ письмѣ о пріѣздѣ ревизора, а во 2) съ приготовительнымъ моментомъ предстоящей борьбы, выразившимся въ совѣщаніяхъ о мѣрахъ къ пріему ревизора и въ суетливой распорядительности городничаго Отсюда интересъ пьесы сосредоточивается, главнымъ образомъ, на дѣйствіяхъ и положеніи городничаго „Его поразилъ (слова Гоголя) распространившійся слухъ о ревизорѣ, еще болѣе поразило его то, что этотъ—ревизоръ—incognito, неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступить. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ свыше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было... обмануть становится возможнымъ“.

Второе дѣйствіе, происходящее въ гостиницѣ, обрисовываетъ начало комической борьбы. Оно начинается превосходнымъ монологомъ Осипа, слуги Хлестакова, въ которомъ онъ описываетъ своего барина и самому себѣ читаетъ для него нравоученія. Хлестаковъ въ безвыходномъ положеніи: онъ проигрался въ карты; ему рѣшительно нечѣмъ расплатиться съ трактирщикомъ, который мало того, что не хочетъ давать обѣда, но вдобавокъ еще грозитъ пожаловаться городничему. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени является городничій совсѣмъ не съ тою цѣлью, о которой предполагалъ Хлестаковъ. Происходитъ въ высшей степени комическая сцена, превосходно обрисовывающая положеніе и характеръ главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Комизмъ этой сцены заключается въ томъ грандіозномъ недоразумѣніи, въ которомъ находятся оба дѣйствующія лица. „Хлестаковъ (слова Шереметевскаго), являясь невольнымъ пугаломъ для городничаго, самъ боится город-

ничаго; а городничій дрожитъ отъ страха передъ Хлестаковымъ и самъ, конечно, ничуть того не подозрѣвая, пугаетъ Хлестакова; такимъ образомъ, каждый изъ нихъ представляется намъ въ одно и то же время и грознымъ судьей и оробѣвшимъ подсудимымъ". Городничій и Хлестаковъ нѣсколько минутъ оба въ страшномъ испугѣ. Хлестаковъ сначала заикается, но потомъ ободрившись начинаетъ кричать, стучитъ кулакомъ по столу, безсознательно угрожая жалобой министру. Сосредоточенный на мысли о проклятомъ инкогнито съ секретнымъ предписаніемъ, городничій всѣ слова Хлестакова принимаетъ за тонкія штуки; отъ рѣчей его онъ приходитъ даже въ восторгъ: „о, тонкая штука!" говоритъ городничій, „экъ куда метнулъ? Какого тумана напустилъ! разбери кто хочетъ!" Въ немъ возбуждается нѣкоторое соревнованіе: „нужно быть посмѣлѣе". Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ". По примѣру Хлестакова городничій и самъ въ свою очередь прибѣгаетъ къ уловкамъ и хитрости; намеками предлагаетъ свои услуги помочь Хлестакову, говоря, что это его обязанность, и когда тотъ проситъ взаймы двѣсти рублей, даетъ ему вмѣсто двухсотъ четыреста, и, наконецъ, предлагаетъ Хлестакову свою квартиру. Городничій такимъ образомъ подкупаетъ ревизора, вполнѣ убѣжденный, что въ этомъ подкупѣ заключается лучшее средство для дальнѣйшей борьбы съ враждебной силой. Онъ нисколько не обнаруживаетъ сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно-ли Хлестаковъ настоящій ревизоръ. „Есть люди (слова Бѣлинскаго) которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ; приведемъ къ нимъ какого-нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки; чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрою книжкою, потому уже только, что онъ ревизоръ, а потому все, что Хлестаковъ послѣ ни вралъ къ явной своей невыгодѣ, только еще болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того, чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза".

Третье дѣйствіе открывается сценой Анны Андреевны съ дочерью: обѣ стоятъ у окна въ ожиданіи извѣстій о пріѣзжемъ ревизорѣ. Входитъ Добчинскій съ запиской отъ городничаго и на вопросъ Анны Андреевны, тотъ-ли ревизоръ, о которомъ со-

общали раньше, говоритъ, что настоящій, и даже съ какою-то гордостью прибавляетъ, что онъ это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ. Добчинскій съ увлеченіемъ разсказываетъ о свиданіи городничаго съ Хлестаковымъ и затѣмъ убѣгаетъ, чтобы посмотрѣть, какъ ревизоръ обозрѣваетъ богоугодныя заведенія. Анна Андреевна совѣтуется съ дочерью, какое платье надѣть и той и другой по случаю пріѣзда „столичной штучки“. Въ это время городничій дѣлалъ свое дѣло; онъ завелъ Хлестакова на завтракъ къ попечителю богоугодныхъ заведеній, подпоилъ ревизора, чтобы окончательно склонить и расположить его въ свою пользу. Послѣ небольшой и весьма комической сцены Осипа съ Мишкой, слугою городничаго, квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ въ сопровожденіи городничаго, смотрителя училищъ Луки Лукича Хлопова, попечителя богоугодныхъ заведеній Земляники, Бобчинскаго и Добчинскаго. Слѣдуетъ сцена представленія Анны Андреевны и Маріи Антоновны, ея дочери. Хлестаковъ нѣсколько навеселѣ; подъ вліяніемъ сытной закуски съ виномъ, петербургскій франтъ начинаетъ врать, несетъ околесицу о своемъ будто бы близкомъ знакомствѣ съ министрами, о своей столичной жизни, полной роскоши, о дружбѣ съ Пушкинымъ, о балахъ, на которыхъ подаютъ арбузы въ семьсотъ рублей, о томъ, наконецъ, что онъ однажды управлялъ цѣлымъ дѣпартаментомъ, и что скоро его произведутъ въ фельдмаршалы. Хлестаковъ лгалъ тономъ, столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно и наивно, съ такимъ увлеченіемъ и наслажденіемъ, что присутствующіе, убѣжденные, что передъ ними настоящій ревизоръ, невольно должны были принять его ложь за истину. Чѣмъ болѣе горячится Хлестаковъ, тѣмъ страхъ сильнѣе овладѣваетъ городничимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и комизмъ положенія, ибо все волненіе, весь страхъ возбуждены мнимой силой. Хлестаковъ наконецъ уходитъ въ сосѣднюю комнату. Каждый выражаетъ о немъ мнѣніе по своему. Бобчинскій находитъ, что Хлестаковъ самъ генералиссимусъ: „слышали“, говоритъ онъ „государственный-то совѣтъ какъ прижалъ!“ Анна Андреевна обворожена тонкими и весьма пріятными манерами Хлестакова: „но только какое тонкое обращеніе“, говоритъ она, „сейчасъ можно увидѣть столичную штуку. Пріемы и все это такое.,. Ахъ какъ хорошо! я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! я, просто, безъ памяти“. „Послѣ

небольшого препирательства съ женою (слова Переметевскаго), вызваннаго противоположностью ихъ взглядовъ на Хлестакова, городничій высказываетъ далѣе свое крайнее недоумѣніе, по поводу стряслейся надъ нимъ оказіи... Какъ ни былъ озадаченъ, ошеломленъ, потрясенъ до глубины души городничій, только что передъ тѣмъ почувствовавшій было подъ ногами твердую почву, однако онъ одинъ изъ всѣхъ—потому что умнѣе всѣхъ—относится нѣсколько критически къ импровизаціи Хлестакова: онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что ревизоръ и „прилгнулъ немного“, потому что красна рѣчь ложью, что онъ и наговорилъ вообще „больше, чѣмъ нужно“, потому что человѣкъ молодой; но съ другой стороны онъ убѣжденъ, что половина изъ того что наговорено должно быть правдой, потому что у подгулявшаго человѣка что на сердцѣ, то и на языкѣ. Таково уже свойство всякаго прямолинейнаго ума, что разъ онъ изъ обычной узкой колеи выбитъ какой-либо небывалой оказіей, онъ не можетъ взглянуть на дѣло съ иной точки зрѣнія и даже въ минуты нѣкотораго просвѣтлѣнія попадаетъ опять на ту же роковую прямую линію... 9 явленіе III-го дѣйствія даетъ ключъ къ объясненію того, почему городничій не только продолжаетъ глядѣть на Хлестакова все тѣми же „великими глазами страха“, но пришелъ въ еще большее разстройство отъ такихъ словъ, какъ: министръ, государственный совѣтъ, дворецъ,—словъ, слишкомъ отвлеченныхъ, не привычныхъ для слуха и языка уѣзднаго чиновничества. „Итакъ критика не привела ни къ чему городничаго, и концы гордіева узла окончательно ускользнули изъ его рукъ“. Онъ ухаживаетъ не только за Хлестаковымъ, но и за его лакеемъ Осипомъ, награждаетъ его деньгами, желая вывѣдать отъ него, на что его баринъ обращаетъ больше вниманія. Третье дѣйствіе кончается приказаніемъ городничаго полицейскимъ, чтобы они гнали всѣхъ тѣхъ, которые явятся къ ревизору съ просьбами.

Въ началѣ четвертаго дѣйствія изображается совѣщаніе чиновниковъ, въ парадныхъ мундирахъ собравшихся въ квартирѣ городничаго для обсужденія вопроса о подкупѣ ревизора. Каждый высказываетъ свое мнѣніе, но, по совѣту попечителя богоугодныхъ заведеній, который отлично зналъ, какъ подобнаго рода дѣла дѣлаются въ благоустроенномъ обществѣ, рѣшаютъ явиться къ Хлестакову по-одиночкѣ, да между четырехъ глазъ и дать взятку.

Заслышавъ шаги и откашливаніе Хлестакова, всѣ наперерывъ спѣшатъ къ дверямъ, тискаютъ другъ друга и наконецъ исчезаютъ. Входитъ Хлестаковъ съ заспанными глазами. Онъ доволенъ, что его приняли радушно, что угождаютъ ему отъ чистаго сердца, а не изъ интереса; онъ, очевидно, не понимаетъ, что его принимаютъ за государственнаго человѣка. Слѣдуетъ цѣлый рядъ комическихъ сценъ представленія чиновниковъ, у которыхъ Хлестаковъ подъ видомъ займа набираетъ денегъ болѣе тысячи рублей. Хлестаковъ хотя и начинаетъ послѣ того догадываться, за кого его принимаютъ, и собирается писать письмо въ Петербургъ къ знакомому журналисту Тряпичкину, чтобы тотъ общелкалъ хорошенько всѣхъ чиновниковъ; по тѣмъ не менѣе, довольный пріемомъ, желаетъ еще остаться и „пожуировать“ въ городѣ. Входитъ Осипъ. Онъ умнѣе и догадливѣе барина и поэтому совѣтуетъ ему уѣзжать, ибо, неровенъ часъ, какой-нибудь другой наѣдетъ. Хлестаковъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшается послѣдовать благоразумному совѣту Осипа и пишетъ письмо къ Тряпичкину, адресуя его въ Петербургъ въ Почтамтскую улицу. Являются купцы съ жалобой на притѣсненіе со стороны городничаго; Хлестаковъ отказывается отъ взятки, которую они предлагаютъ, но беретъ у нихъ деньги взаймы, обѣщая сослать городничаго въ Сибирь. Послѣ небольшой сцены слесарши и унтеръ-офицерши, входитъ Марья Антоновна, которая ищетъ маменьки. Хлестаковъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ ухаживать за наивной барышней, въ концѣ концовъ становится передъ нею на колѣни и, когда приходитъ Анна Андреевна, проситъ у нея руки ея дочери. Та даетъ согласіе. Въ это время входитъ городничій впопыхахъ и начинаетъ оправдываться передъ Хлестаковымъ. Но Анна Андреевна перебиваетъ мужа и сообщаетъ ему, что Иванъ Александровичъ проситъ руки ихъ дочери. Растерявшійся городничій сначала не вѣритъ, но потомъ, убѣдившись въ несомнѣнности предложенія, приходитъ въ восторгъ. Радость городничаго понятна: ревизоръ—такая знатная особа—будущій его родственникъ, все шито-крыто, а въ перспективѣ награды, чины, повышеніе по службѣ. Хлестаковъ уѣзжаетъ на время къ богатому дядѣ, обѣщая скоро вернуться.

Въ первой сценѣ пятаго акта изображается городничій въ его грубыхъ мечтахъ о предстоящемъ блаженствѣ. Все идетъ счастливо для городничаго: ревизоръ обманутъ, плутни и мошенничества скрыты

отъ взора карающаго ихъ закона и стало быть достигнута та цѣль, къ осуществленію которой направлены были всѣ помыслы и стремленія. Вѣсть о женитьбѣ Хлестакова на Марьѣ Антоновнѣ съ быстротою молніи распространяется по городу. Собираются гости: они подличаютъ передъ городничимъ: всѣ поздравляютъ его съ необыкновеннымъ счастьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполголоса ругаютъ изъ зависти. Между тѣмъ вбѣгаетъ почтмейстеръ съ распечатаннымъ письмомъ, изъ котораго всѣ и узнаютъ, что Хлестаковъ вовсе не ревизоръ. Слѣдуетъ комическая сцена чтенія письма, въ которомъ Хлестаковъ смѣшными чертами характеризуетъ уѣздныхъ чиновниковъ, начиная съ городничаго. Итакъ, городничій теперь только приходитъ въ себя, теперь только видитъ, что онъ обманутъ и одураченъ. Но онъ, однако, не раскаивается въ своихъ безнравственныхъ дѣяніяхъ: ему только досадно, что онъ позволилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху. Онъ приходитъ въ бѣшенство, неистовствуетъ; его поражаетъ то, что найдутся, по его мнѣнію, такіе бумагомараки, которые, не щадя ни званія, ни чина, выведутъ его въ комедіи на посмѣшище, и вотъ онъ разражается бранью и ругательствами на писателей, называя ихъ щелкоперами, чортовымъ сѣменемъ и т. п. эпитетами. Ниже мы укажемъ на значеніе этихъ словъ городничаго. Всѣ набрасываются на Бобчинскаго и Добчинскаго, какъ первыхъ сообщившихъ о пріѣздѣ ревизора; брань на нихъ сыплется со всѣхъ сторонъ. Въ довершеніе всего, какъ снѣгъ на голову, является жандармъ и докладываетъ, что пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ городничаго немедленно къ себѣ. „Слова жандарма поражаютъ какъ громомъ всѣхъ; звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи“.

Характеристика городничаго и окружающихъ его лицъ. Въ комедіи, какъ произведеніи драматическомъ, есть два существенныхъ элемента: характеры и развитіе дѣйствія. Обратимся сначала къ описанію характеровъ, изображенныхъ въ „Ревизорѣ“, которое поможетъ намъ выяснить, какъ идею комедіи, такъ и ея общественное значеніе. Герой комедіи „Ревизоръ“, главное дѣйствующее лицо—городничій Сквозникъ-Дмухановскій: на немъ сосредоточиваются всѣ отдѣльные моменты дѣйствія, въ его характерѣ выражается, главнымъ образомъ, идея пьесы. Городничій человѣкъ не

глупый, но умъ его, умъ практика-чиновника старыхъ временъ, который „не любитъ пропускать того, что плыветъ въ руки“, умѣетъ взяться за какое-нибудь дѣльце и ловко вывернуться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Зная отлично, что ревизоры болѣе обращаютъ вниманія на наружныя стороны, Городничій дѣлаетъ такія распоряженія, которые прямо говорятъ о его служебной сообразительности и опытности: онъ приказываетъ взять десятскихъ и вымести улицу, идущую къ трактиру, поставить для благоустройства на мосту квартальнаго поручика высокаго роста, разметать наскоро старый заборъ и поставить соломенную вѣху, чтобы было похоже на планировку. Но практичность ума зачастую соединяется съ плутовствомъ; такъ было и у Городничаго: онъ даетъ плутовской совѣтъ почтмейстеру распечатывать письма, и даже самъ о себѣ говоритъ, что обманывалъ мошенниковъ надъ мошенниками, поддѣвалъ на уду такихъ пройдохъ и плутовъ, которые готовы были обокрасть весь свѣтъ. Съ плутовствомъ соединено въ Городничемъ и весьма тонкое лицемѣріе. На службу онъ смотритъ какъ на источникъ личнаго обогащенія, ибо общественные интересы для него чужды: между тѣмъ въ глазахъ ревизора онъ старается показать себя ревностнымъ служакой, цѣль жизни котораго будто бы въ устройствѣ дѣлъ, въ заботахъ объ общественной пользѣ, а не въ мечтахъ и надеждахъ на награду и вниманіе начальства. „Ужъ на что“, говоритъ онъ, „головоломна обязанность градоначальника! Сколько лежитъ всякихъ дѣлъ относительно одной чистоты, починки, поправки: словомъ наиумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе: но благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: „Господи Боже ты мой! какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно... Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало, то чего же мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета“. На вопросъ Хлестакова, нѣтъ-ли въ городѣ какихъ развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было поиграть въ карты, Городничій не задумываясь отвѣчаетъ, что о такихъ обществахъ здѣсь и слуху нѣтъ,

что онъ и самъ картъ въ руки никогда не бралъ, а между тѣмъ накапунѣ выпонтировалъ сто рублей у смотрителя уѣзднаго училища. Какъ человѣкъ необразованный, Городничій весьма грубъ въ обращеніи съ людьми; онъ не въ состояніи удержаться отъ рѣзкихъ проявленій своей животной натуры; онъ ругаетъ пришедшихъ къ нему купцовъ, которые жаловались на него ревизору, называетъ ихъ самоварниками, архиплутами и протобестіями, сулитъ имъ семь чертей и одну вѣдьму въ зубы, такъ что даже Анна Андреевна, уже привыкшая къ такимъ пріемамъ мужа, и та не выдержала: „ахъ, Боже мой!“ замѣтила она, „какія ты, Антоша, слова произносишь!“ У грубаго человѣка и желанія грубыя. Придя въ неистовый восторгъ отъ того, что дочь его выходитъ за-мужъ за такого человѣка, котораго и на свѣтѣ еще не было, который можетъ прогнать всѣхъ въ городѣ и въ тюрьму посадить, Городничій высказываетъ весьма своеобразный взглядъ на то положеніе, какое онъ займетъ, когда будетъ генераломъ. „Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — говоритъ онъ. Потому что случится поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ, — лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается; всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь! Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой городничій! Хе, хе, хе! Вотъ, что, канальство, заманчиво!“ Такимъ образомъ, по понятію Городничаго, быть генераломъ значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, угнетать и презирать всѣхъ тѣхъ, которые находятся отъ него въ зависимости; и легко представить себѣ, насколько пріятно могло бы быть положеніе другихъ, если бы судьба послала нашему городничему генеральскій чинъ. Главныя черты въ характерѣ Городничаго, противъ которыхъ особенно направлена насмѣшка писателя—это взяточничество, казнокрадство и произволъ. Антонъ Антонычъ беретъ взятки и деньгами и натурой: по словамъ купцовъ, онъ справляетъ свои именины два раза въ году, на Антона и на Онуфрія чтобы оба раза ему несли соотвѣтствующія приношенія; не гнушается даже и такимъ черносливомъ, который, по словамъ торговца Авдулина, по семи лѣтъ лежитъ въ бочкѣ; онъ откровенно признается, что присвоилъ себѣ казенныя деньги, ассигнованныя на постройку церкви при богоугодномъ заведеніи, а въ рапортѣ начальству представлялъ, что церковь начала строиться, но

сгорѣла. Городничій отлично понимаетъ, что ему, какъ главному начальнику города, всѣ должны подчиняться; отсюда его безграничный произволъ: онъ сѣчетъ, ни за что, ни про что, унтеръ-офицерскую жену, моритъ постоемъ купцовъ, приказываетъ мужа слесарши забрить въ солдаты. Произволъ градоначальника, его наклонность къ незаконнымъ поборамъ прекрасно обрисовываются въ слѣд. сценѣ:

Купцы. Не погуби, государь! обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлест. Отъ кого?

Одинъ изъ купц. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ; „ахъ ты татаринъ“. Ей-Богу! Если-бы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его; а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ — мы противъ этаго не стоимъ. Нѣтъ вишь ты, ему всего мало— ей-ей! Придетъ въ лавку, и что ни попадетъ, все беретъ; сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконце; снеси-ка его ко мнѣ“. Ну и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлест. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!..

Купцы. Ей-Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря „чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается, нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлест. Да это просто разбойникъ.

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери; „Я тебя не буду“, говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать—это, говоритъ, запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки“.

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это прямо въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше.

Отсутствіе всякаго нравственнаго воспитанія, а стало быть, и сознанія общественнаго долга, побуждаетъ Городничаго прибѣгать къ дурнымъ средствамъ ради личнаго благосостоянія. Онъ, правда, понимаетъ, что средства эти не безопасны, но оправдываетъ себя тѣми принципами, къ которымъ, обыкновенно, прибѣгали всѣ подобные ему люди: что казеннаго жалованья не хватаетъ на чай и сахаръ, что нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы за собою какихъ-нибудь грѣховъ, и „волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ“, что, наконецъ, всѣ такъ дѣлаютъ. Принципъ—„всѣ такъ дѣлаютъ“ заглушаетъ совѣсть городского управителя, какъ заглушалъ онъ ее и въ дѣйствительности у всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ писатель изобразилъ въ лицѣ Сквозника-Дмухановскаго. Такъ обрисована въ комедіи личность главнаго ея героя. Сходны съ нимъ во многомъ и другіе представители уѣздной администраціи, изображенные въ пьесѣ: всѣ они взяточники и казнокрады, всѣ совершенно одинаково относятся къ службѣ, начальству, къ личнымъ интересамъ. Попечитель богоугодныхъ заведеній нисколько не заботится о больныхъ: они ходятъ у него въ грязныхъ колпакахъ и очень похожи по одеждѣ на кузнецовъ. Судья таковъ же: у него въ передней суда сторожа заводятъ домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, въ самомъ присутствіи выслушивается всякая дрянь, а надъ шкафомъ съ бумагами, виситъ охотничій арапникъ. Какъ судья смотритъ на свои обязанности, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „а я на этотъ счетъ спокоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ уже пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! Только рукой махну! Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда“. Но есть у чиновниковъ и такія черты, которыя нѣсколько отличаютъ ихъ другъ отъ друга. Почтмейстеръ Шпекинъ (по словамъ Гоголя) простодушный до наивности человѣкъ; онъ ужасно любитъ узнать, что новаго есть на свѣтѣ, и преспокойно распечатываетъ чужія письма, находя въ нихъ больше назидательности, чѣмъ въ газетахъ; на вопросъ городничаго, какъ

онъ думаетъ о прибытіи въ городъ ревизора, наивный почтмейстеръ отвѣчаетъ, что будетъ война съ турками и что это все французъ гадитъ. Судья, подобно городничему, беретъ взятки, но дѣлаетъ это (по объясненію самого Гоголя) изъ своей страсти къ псовой охотѣ, безъ всякаго сознанія неправды; „занятый собою и своимъ умомъ", онъ, единственно подъ вліяніемъ этого побужденія, позволяетъ себѣ безбожничать и доходитъ до такихъ либеральныхъ мыслей и разговоровъ, отъ которыхъ, по выраженію городничаго, волосы дыбомъ становятся. Смотритель богоугодныхъ заведеній очень тонкій плутъ, изъ желанія вывернуться въ какихъ-нибудь бѣдственныхъ обстоятельствахъ, онъ, по чувству самосохраненія, способенъ утопить другого, упечь его какою-нибудь каверзою или доносомъ, забывъ и кумовство и дружбу. Галлерея типовъ уѣздныхъ обывателей прекрасно дополняется типами жены и дочери Городничаго и городскихъ помѣщиковъ, Бобчинскаго и Добчинскаго. Анна Андреевна— это типъ уѣздной кокетки: она пресерьезно споритъ съ дочерью о томъ, въ какихъ платьяхъ лучше всего явиться имъ обѣимъ передъ Хлестаковымъ, заискиваетъ въ послѣднемъ и, забывая свое положеніе матери, безцеремонно, съ апломбомъ заявляетъ, что она понравилась Хлестакову, что онъ больше поглядывалъ на нее, чѣмъ на дочь. Приводимъ двѣ сцены, въ которыхъ прекрасно очерчивается комизмъ характера городничихи.

Анна Андр. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье, съ мелкими оборками.

Марья Ант. Фи, маменька, голубое мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ: нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андр. Цвѣтное! Право, говоришь, лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше потому, что я хочу надѣть палевое, я очень люблю палевое.

Марья Ант. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андр. Мнѣ палевое нейдетъ!

Марья Ант. Нейдетъ, я, что угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные? Самые темные! Какой вздоръ говоришь. Какъ же не темные, когда я гадаю про себя всегда на трефовую даму.

Марья Ант. Ахъ маменька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. Этакое вдругъ вообразится: червонная дама! Богъ знаетъ что такое.

. . . . . .

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штуку. Пріемы, и все это такое. Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я однакожъ ему очень понравилась: я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

Марья Ант. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Ант. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андр. Ну вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить, нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя, и съ какой стати ему смотрѣть на тебя!

Марья Ант. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только... „а, говоритъ себѣ, дай ужъ посмотрю на нее“.

Марья Антоновна—образецъ провинціальной русской барышни тридцатыхъ годовъ: она любительница альбомныхъ стиховъ, существо безотвѣтное и въ высшей степени наивное. „Бобчинскій и Добчинскій (слова Бѣлинскаго) это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ и, чтобы ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, состав-

ляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ—выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираніи новостей и сплетней. Обогатясь подобною находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаніемъ своей важности и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема". Бобчинскій нѣсколько отличается отъ Добчинскаго. Онъ зараженъ мелкимъ и глупымъ тщеславіемъ. „Я прошу васъ", обращается онъ къ Хлестакову, „какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій".

Характеристика Хлестакова. Въ противоположность провинціаламъ, Гоголь въ лицѣ Хлестакова изображаетъ человѣка изъ совершенно другой среды и обстановки. Типы уѣздныхъ чиновниковъ—это продуктъ захолустнаго быта, условій жизни тѣхъ медвѣжьихъ угловъ, которыхъ такъ много было на Руси шестьдесятъ лѣтъ назадъ; они, благодаря успѣхамъ образованности и развитію общественной жизни, пожалуй, уже и невозможны въ настоящее время. Черты же, представленныя въ Хлестаковѣ, можно встрѣтить и теперь: отдѣльныя его качества попадаются у людей разныхъ положеній и званій. Хлестаковъ—столичный франтъ и щеголь, пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ; чтобы занять, свою пустоту и удовлетворить чувству мелкаго тщеславія, онъ мотаетъ деньги, присылаемыя ему отцомъ, и зачастую доходитъ до того, что пускаетъ въ оборотъ платье, за безцѣнокъ продаетъ его на рынкѣ. „Батюшка пришлетъ денежки", говоритъ Осипъ о своемъ баринѣ, „чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сюртучишка да шинелишка, ей Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать: а о брюкахъ и говорить нечего — ни по чемъ идутъ".

Большой любитель картежной игры, Хлестаковъ благоговѣетъ передъ обыгравшимъ его пензенскимъ капитаномъ, по своей глупости видя великое достоинство послѣдняго въ томъ, что онъ удивительно штосы срѣзываетъ. „Хлестаковъ (слова Гоголя изъ письма къ одному литератору) вовсе не надуваетъ уѣздныхъ чиновниковъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ забываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ, видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по этому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально, онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе получаемое имъ отъ этого“. Чтобы лгать съ намѣреніемъ извлечь изъ лжи выгоду, надо все-таки сообразить, кое-что и подумать. Но Хлестаковъ принадлежитъ къ тому разряду людей, которые не могутъ думать, которые, дѣйствуя и говоря безъ всякаго соображенія, не въ состояніи остановить вниманія на какой-нибудь самой простой мысли. Въ рѣчахъ Хлестакова нѣтъ никакой связи: онъ перескакиваетъ съ одного предмета на другой; а въ минуты, особенно вдохновенныя, въ его головѣ поднимается невообразимая путаница: въ сценѣ вранья, въ III дѣйствіи когда его „толкнули“ на разговоръ о литературѣ, онъ начинаетъ путать заглавія романовъ, комедій, оперъ, воображаетъ себя авторомъ водевилей, композиторомъ, сочинителемъ цѣлыхъ журналовъ, наконецъ редакторомъ, поправляющимъ стихи всѣмъ авторамъ и получающимъ за это отъ книгопродавца Смирдина сорокъ тысячъ. Каковъ Хлестаковъ въ разговорахъ съ другими, таковъ же онъ и въ монологахъ: и здѣсь онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пониманія своего положенія среди уѣздныхъ чиновниковъ. Выходя изъ комнаты, послѣ того какъ выспался всласть, онъ говоритъ: „я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностью проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюся больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь“. Онъ, какъ видите, выражаетъ здѣсь только

свое благодушіе, и затѣмъ принимаетъ какъ гостей тѣхъ чиновниковъ, которые являются къ нему оффиціально, въ полной парадной формѣ. Хлестаковъ—это (слова г. Шеремстовскаго) „одинъ изъ многочисленныхъ экземпляровъ цѣлой массы людей съ натурой центробѣжною, представляющею крайній предѣлъ экспансивности—людей показныхъ. Впечатлительность и стремительность—вотъ два главные признака подобныхъ натуръ во всѣхъ разновидностяхъ этого антропологическаго семейства. Въ самомъ дѣлѣ, у Хлестакова между впечатлѣніемъ и желаніемъ почти не бываетъ промежутка; между желаніемъ и дѣйствіемъ тоже трудно уловить какой-нибудь интервалъ: вся его психическая жизнь въ трехъ словахъ: *чувствую, желаю и дѣйствую.* Онъ рабъ настоящей минуты; прошедшее и будущее для него не существуютъ, потому что при стремительномъ увлеченіи настоящею минутою слѣды прошедшаго быстро сглаживаются, а соображенія относительно будущаго не успѣваютъ сложиться. Отсюда безсодержательность, пустота внутреняя, дающая пустоту внѣшнюю, — вѣчное стремленіе „подпускать пыль“, стремленіе къ этому высшему для Хлестаковыхъ идеалу, который весь исчерпывается тремя словами: *блеснуть, пленить и улетѣть,* суммируемыми въ свою очередь однимъ словомъ „Хлестаковщины“. Хлестаковъ это типическій представитель наивныхъ шелопаевъ, мальчишекъ-вѣтрогоновъ, „трактирныхъ денди“, какъ мѣтко опредѣлилъ его Бѣлинскій. Но въ Хлестаковѣ есть и черты, такъ сказать, общечеловѣческаго свойства, по крайней мѣрѣ, самъ Гоголь указываетъ на это въ одномъ изъ своихъ писемъ. „Хлестаковъ, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ

не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ очень ловко повернется и какъ бы и не онъ“

„Многіе (Слова Бѣлинскаго) почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? Страхъ городничаго; слѣдовательно онъ созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ,—и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ *), и комедія была бы не кончена, если бы окончилась четвертымъ актомъ“.

Общее заключеніе о характерахъ въ „Ревизорѣ“. Мы выше сказали, что существенными элементами комедіи, какъ драматическаго произведенія, являются характеры и развитіе дѣйствія. Посмотримъ, какъ то и другое представлено въ комедіи Гоголя. Изображеніе характеровъ составляетъ существенное отличіе художественной комедіи отъ комедіи интриги, гдѣ главную роль играютъ не характеры, а изображеніе запутанныхъ обстоятельствъ и неожиданныхъ для зрителя столкновеній и происшествій. Характеры въ художественныхъ комедіяхъ отличаются двумя главнѣйшими свойствами: типичностью и отсутствіемъ карикатуры. Драматургъ-художникъ не ограничивается тѣмъ, что даетъ ему наблюдаемая имъ дѣйствительность: подмѣчая ту или другую страсть, изучая проявленія ея на многихъ людяхъ, онъ собираетъ всѣ ея отдѣльныя черты въ одинъ художественный образъ, такъ что характеръ созданный фантазіею поэта, является типомъ, т. е. изображаетъ не простой списокъ съ частныхъ явленій, а такую личность, которая, выражая нравственные недостатки человѣка, въ то же время оли-

*) Фантомъ—привидѣніе, призракъ.

цетворяетъ собою какой-нибудь слой общества. Характеры, созданные Гоголемъ, и есть типы, именно потому, что образы Городничаго и другихъ воспроизводятъ выдающіяся свойства уѣзднаго чиновничества тридцатыхъ годовъ. Комизмъ, которымъ проникнута личность Городничаго, вполнѣ естественный: въ немъ нѣтъ ничего карикатурнаго, ибо всѣ смѣшныя стороны этого человѣка проистекаютъ изъ свойствъ его природы, изъ оригинальнаго и совершенно своеобразнаго взгляда на службу, на отношеніе къ закону, при чемъ этотъ человѣкъ совершенно чуждъ сознанія того, что его дѣйствія есть рядъ заблужденій и противорѣчій законамъ ума и нравственности. Такимъ же комизмомъ отличаются характеры и другихъ лицъ комедіи: судья, напримѣръ, серьезно думаетъ, что у него глубокомысленный умъ; онъ травитъ зайцевъ на земляхъ тяжущихся помѣщиковъ, нисколько не сознавая, что подобнаго рода удовольствія совершенно несовмѣстны съ обязанностями человѣка, въ рукахъ котораго находится правосудіе. Правда, какъ у городничаго, такъ и у другихъ чиновниковъ пробуждается страхъ при появленіи ревизора; но этотъ страхъ происходитъ у нихъ не отъ сознанія преступности ихъ дѣяній въ нравственномъ отношеніи, а отъ ожиданія того наказанія, которое налагается закономъ. Въ образахъ, созданныхъ Гоголемъ, мы не видимъ и тѣни карикатуры. Правда, талантливая карикатура можетъ быть очень забавна и возбуждаетъ смѣхъ. Но въ герояхъ комедіи „Ревизоръ“ мы видимъ проявленіе истиннаго комизма, возбуждающаго такой смѣхъ, съ которымъ соединяются въ душѣ зрителя чувство скорби и сожалѣнія при видѣ нравственнаго паденія личности, при созерцаніи безобразій того или другого лица, несогласныхъ съ его общественнымъ положеніемъ.

Внѣшнее и внутреннее единство въ комедіи и ея идея. Дѣйствіе въ комедіи слагается изъ тѣхъ фактовъ, которые являются слѣдствіемъ борьбы однѣхъ силъ съ другими, имъ враждебными или противоположными. Такого же рода факты составляютъ и дѣйствіе „Ревизора“. Безнравственные уѣздные управители принимаютъ случайно проѣзжавшаго черезъ ихъ городъ петербургскаго чиновника за настоящаго ревизора, о назначеніи котораго имъ было уже извѣстно. Вся цѣль, всѣ стремленія городничаго, напуганное воображеніе котораго сдѣлало изъ Хлестакова олицетвореніе карающей силы закона, направлены къ

тому, чтобы склонить эту силу въ свою пользу и такимъ образомъ избѣжать наказанія за преступныя дѣянія. Отсюда происходитъ борьба, раскрывающая передъ глазами зрителя различные моменты душевнаго состоянія героя; но борьба эта комическая: она ведется противъ мнимой силы, изображаетъ отрицательныя стороны дѣйствительности, т. е. міръ пошлыхъ, мелкихъ страстей, пошлаго эгоизма. Изъ теоріи драматической поэзіи извѣстно, что для выраженія идеи борьбы и представленія характеровъ въ ихъ взаимномъ отношеніи драматургъ долженъ избрать такой моментъ изъ жизни своихъ героевъ, въ которомъ могла бы выразиться вся ея сущность и значеніе. Такимъ моментомъ въ комедіи Гоголя является пріѣздъ ревизора. На этомъ моментѣ основано все движеніе пьесы, къ нему пріурочиваются всѣ подробности дѣйствія, изъ которыхъ ни одна не кажется излишнею, но имѣетъ то или другое отношеніе къ главному событію, т. е. къ появленію ревизора. Но, кромѣ этого, такъ сказать, внѣшняго единства, выражающагося въ событіи, въ пьесѣ Гоголя мы видимъ еще единство внутренее, именно въ ея идеѣ. Въ „Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія комедіи“ Гоголь устами одного изъ любителей искусствъ говоритъ: „Правитъ пьесою идея, мысль; безъ нея нѣтъ въ ней единства“. Какая же идея въ комедіи Гоголя? Въ „Авторской исповѣди“ Гоголь высказываетъ, что въ „Ревизорѣ“ онъ рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое онъ тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ. По выраженію одного изъ зрителей въ „Театральномъ разъѣздѣ“, „Ревизоръ“ это сборное мѣсто. Отовсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ: произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго“. Комедія Гоголя и представляетъ довольно полную картину уродливыхъ и порочныхъ явленій нашей старой жизни. Чиновники, во главѣ съ городничимъ, заботятся единственно о наживѣ, обираютъ обывателей, пользуясь находящеюся въ ихъ рукахъ властью, не имѣя ни малѣйшаго понятія о законѣ, о казенномъ интересѣ. Низкій уровень нравственности уѣзднаго общества выражается и въ его отношеніи къ религіи: взяточникъ и казнокрадъ, Городничій гордится тѣмъ, что онъ твердъ

въ вѣрѣ и каждое воскресенье ходитъ въ церковь; онъ обращается къ Богу съ просьбою помочь ему прикрыть свои грѣшки и обѣщаетъ, какъ пройдетъ гроза, поставить огромную свѣчу. Насколько низко въ этомъ обществѣ умственное развитіе, видно изъ того, что безтолковое вранье полупьянаго Хлестакова принимается за чистую монету. Семейныя отношенія здѣсь также полны неправды и заблужденія: городничій соглашается выдать замужъ свою дочь за неизвѣстнаго человѣка ради того только, что такая сдѣлка можетъ доставить ему повышеніе по службѣ и даже ленту черезъ плечо; его супруга безъ всякаго стѣсненія споритъ съ дочерью о цвѣтѣ глазъ, который наиболѣе нравится мужчинамъ. „Это положеніе города (слова В. П. Острогорскаго) ужаснѣе еще тѣмъ, что всѣ эти нравственные уроды не какія-нибудь исключенія, не злодѣи, а просто обыкновенные, даже въ сущности добродушно-наивные люди, и не подозрѣвающіе того, что слѣдуетъ жить иначе, не чувствующіе ни малѣйшей потребности въ иной, лучшей жизни“. Такимъ образомъ, осмѣяніе указанныхъ выше явленій и составляетъ основу всей комедіи „Ревизоръ“, или ея идею. Гоголя упрекали въ томъ, что въ его комедіи нѣтъ ни одного честнаго лица, но онъ самъ говоритъ, что честнымъ лицомъ въ его пьесѣ является смѣхъ. „Смѣхъ (слова Гоголя въ „Театральномъ разъѣздѣ“) значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера, не тотъ также легкій смѣхъ, который излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно бьющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ ярко выступить то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрагаясь „неужели есть такіе люди? и тогда какъ по собственному сознанію его бываютъ люди хуже...“ Далѣе Гоголь говоритъ о значеніи смѣха для тѣхъ, противъ которыхъ онъ направленъ, о его нравственномъ вліяніи: „насмѣшки боится даже тотъ, кто ужъ ничего не боится на свѣтѣ“. Исходя изъ этой мысли, Гоголь не вывелъ въ своей комедіи ни одного привлекательнаго лица: если бы (слова одного изъ зрителей въ „Театраль-

номъ разъѣздѣ“) хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію и помѣщено со всей увлекательностью, то всѣ до одного перешли бы на сторону этого истиннаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь“. Взглядъ Гоголя на важное и серьезное значеніе комическаго смѣха даетъ намъ ключъ къ объясненію развязки его пьесы. Комедія кончается появленіемъ жандарма, извѣщающаго о пріѣздѣ въ городъ дѣйствительнаго ревизора. Такая развязка случайна, она приведена авторомъ по замѣчанію В. Я. Стоюнина, съ цѣлью показать, что законъ долженъ явиться съ карою не скрытно, а явно, и сразу поражать страхомъ, не давая себя опутывать. Но настоящею нравственною развязкою пьесы, вытекающею изъ всѣхъ фактовъ, въ ней представленныхъ, должны быть признаны слова городничаго, въ которыхъ онъ съ негодованіемъ и злобой обрушивается на „писакъ“, т. е. писателей, выставляющихъ на смѣхъ злоупотребленія и пороки общественныхъ дѣятелей. Негодованіе и злоба являются здѣсь единственно изъ боязни гласности. Людей, подобныхъ тѣмъ, какіе представлены въ комедіи, трудно измѣнить увѣщаніями во имя религіи или чувства чести и долга, а что касается закона, то вѣдь они настолько умудрились, что всевозможными лазейками легко могутъ обходить его. Стало быть на подобныхъ людей болѣе всего дѣйствуетъ смѣхъ: боязнь его и можетъ служить залогомъ того, что человѣкъ, пораженный имъ, уже несетъ въ душѣ сознаніе своихъ поступковъ и беззаконныхъ дѣяній. Таково нравственное значеніе той идеи, которая положена въ основу комедіи „Ревизоръ“. Что комедія вообще можетъ имѣть высокое нравственное значеніе, подобно другой важнѣйшей отрасли драматической поэзіи, именно трагедіи, на это указываетъ какъ самъ Гоголь, такъ и другіе писатели. „Развѣ положительное и отрицательное (слова одного изъ лицъ въ „Театральномъ разъѣздѣ“) не можетъ служить одной и той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низости, отступленія отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, чего требуетъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ

прекрасному, если только правится высокою мыслью послужить прекрасному". Весьма важное нравственное значеніе придавалъ комедіи знаменитый нѣмецкій писатель и критикъ Лессингъ. „Комедія", пишетъ онъ, „не ограничивается исправленіемъ именно только тѣхъ пороковъ, надъ которыми смѣется, и только тѣхъ людей, которые заражены этими смѣшными слабостями. Ея истинная польза, общая для всѣхъ, заключается въ самомъ смѣхѣ, въ упражненіи нашей способности подмѣчать смѣшное, легко и быстро раскрывать его подъ разными масками страсти и моды, во всѣхъ его сочетаніяхъ съ другими еще худшими качествами, а также съ хорошими, даже подъ морщинами строгой серьезности. Если мы допустимъ, что „Скупой" Мольера не исправилъ ни одного скупого, а „Игрокъ" Ренара ни одного игрока, если согласимся, что смѣхъ никоимъ образомъ не можетъ исправить этихъ безумцевъ, тѣмъ хуже для нихъ, а не для комедіи. Если она не можетъ врачевать неизлѣчимо больныхъ, то съ нея достаточно и того, что она будетъ укрѣплять силы здоровыхъ. Комедія „Скупой" назидательна и для щедраго, а „Игрокъ"—и для того, кто совсѣмъ не играетъ: тѣ слабости, которыхъ они чужды, есть у другихъ, съ которыми имъ приходится жить: полезно знать тѣхъ, съ кѣмъ легко можно встрѣтиться въ обществѣ, полезно предохранять себя отъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, производимыхъ примѣромъ. Предохранительная мѣра есть тоже отличное лекарство, и въ цѣлой морали нѣтъ средства болѣе сильнаго и дѣйствительнаго какъ смѣхъ".

Особенности комедіи Гоголя. Переходимъ къ вопросу о томъ, въ чемъ заключаются особенности комедіи „Ревизоръ" и какое мѣсто она должна занимать въ исторіи русской литературы, для чего сдѣлаемъ краткій обзоръ русской комедіи до Гоголя. Со времени реформъ Петра Великаго, когда Россія вошла въ близкія сношенія съ Европой, русская литература, какъ извѣстно, подчинилась вліянію европейской, изъ которой она заимствовала не только форму, но и содержаніе. Русская комедія также переживала періодъ подражанія, тѣмъ не менѣе ей особенно посчастливилось въ томъ отношеніи, что она ранѣе другихъ отраслей литературы освободилась отъ рабскаго подчиненія европейскимъ писателямъ, обратилась къ воспроизведенію явленій народной жизни и мало-по-малу сдѣлалась самобытною, сначала въ содержаніи, а затѣмъ и въ формѣ. Первымъ писателемъ въ области русской комедіи былъ Сумароковъ. Но его

произведенія не имѣютъ художественнаго значенія: въ нихъ нѣтъ не только типовъ, но и характеровъ: „онѣ бѣдны содержаніемъ (слова кн. Вяземскаго), расположеніемъ, искусствомъ. Брюзгливыя выходки патріотизма, болѣе полицейскаго, нежели государственнаго, при видѣ частныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, придаютъ многимъ сценамъ его странное движеніе. Онъ часто переноситъ горячій памфлетъ *) въ свои холодныя комедіи". Недостатокъ истиннаго комизма у Сумарокова замѣняется рѣзкими нападками на отдѣльныя личности, на что указалъ уже современникъ его Тредьяковскій, сказавъ въ разборѣ комедій Сумарокова, что „комедія дѣлается для исправленія нравовъ въ цѣломъ обществѣ, а не для убіенія чести въ нѣкоторомъ человѣкѣ". Вся заслуга Сумарокова на поприщѣ комедіи заключается единственно въ томъ, что онъ сдѣлалъ попопытку на комедію изъ русскихъ нравовъ, указалъ путь для другихъ, болѣе его одаренныхъ драматическимъ талантомъ. Мотивы комедій у большинства авторовъ прошлаго вѣка, болѣе или менѣе, были однообразны, сатира ихъ не отличалась особенною глубиною: таковы, напримѣръ, комедіи Княжнина, которыя, правда, мѣстами остроумны, но, тѣмъ не менѣе, представляютъ не что иное, какъ передѣлки французскихъ пьесъ на русскіе нравы и не заключаютъ въ себѣ ни одного художественно созданнаго комическаго типа или характера. Первую и можно сказать вполнѣ удачную попытку создать характеръ мы видимъ у Фонвизина въ его г-жѣ Простаковой, главной героинѣ комедіи „Недоросль". Простакова это совершенно оригинальный типъ, превосходно олицетворяющій цѣлый общественный слой русскаго общества прошлаго вѣка, полный невѣжества, деспотизма и грубаго обращенія съ низшими. Комедія „Недоросль" была первою національною комедіею, ибо въ ней впервые русская дѣйствительность явилась въ неприкрашенномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, и это произведеніе нельзя назвать вполнѣ художественнымъ: за исключеніемъ г-жи Простаковой дѣйствующія лица комедіи Фонвизина, въ которыхъ осмѣиваются уродливыя явленія русской жизни, представлены карикатурно; дѣйствіе комедіи безпрестанно задерживается длинными діалогами добродѣтельныхъ лицъ, чѣмъ, конечно, нарушается то движеніе, которое присуще

*) Памфлетомъ называется небольшое сочиненіе полемическаго, чаще всего обвинительнаго содержанія. Обыкновенно памфлету приписываютъ значеніе клеветы.

комедіи, какъ произведенію драматическому; наконецъ, языкъ комедіи мѣстами отличается книжностью, искусственностью и не чуждъ галлицизмовъ. Кромѣ „Недоросля“, изъ пьесъ комическаго репертуара пользовалась довольно продолжительнымъ успѣхомъ комедія Капниста „Ябеда“: но, обличая довольно недурными стихами грабительскіе инстинкты современныхъ отправителей правосудія, эта комедія, тѣмъ не менѣе, отличается ничтожностью сюжета, отсутствіемъ движенія и сценическаго дѣйствія, наконецъ, весьма слабыми чертами комизма. Такимъ образомъ, русская комедія прошлаго вѣка, обличая и подчасъ довольно мѣтко неурядицы общественной и семейной жизни, не имѣетъ все-таки такихъ образцовъ, которые могли бы назваться вполнѣ художественными произведеніями. Первымъ художественнымъ созданіемъ въ области комедіи была пьеса Грибоѣдова „Горе отъ ума“. „Какъ картина (слова Гончарова), она, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю“. Грибоѣдовъ показалъ образецъ самостоятельнаго творчества въ созданіи типовъ изъ жизни русскаго общества замѣчательныхъ по своей правдѣ и художественности. „Горе отъ ума“, какъ произведеніе высоко даровитаго писателя, произвело рѣшительный переворотъ въ нашей драматической литературѣ. Грибоѣдовъ блистательно доказалъ, какой обильный матеріалъ можетъ доставить русское общество комическому писателю, и въ какомъ направленіи должна развиваться наша комедія, если она желаетъ достигнуть общественнаго значенія. Русская комедія здѣсь впервые отдѣлилась отъ книжнаго языка, какимъ писалась она до появленія „Горя отъ ума“; каждое слово этой послѣдней дышетъ, по замѣчанію Бѣлинскаго, комическою жизнью, поражаетъ быстротою ума, оригинальностью оборотовъ, такъ что стихи обратились въ пословицы и могутъ примѣняться къ различнымъ обстоятельствамъ жизни. Переворотъ, произведенный Грибоѣдовымъ, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что цѣлымъ рядомъ художественныхъ типовъ и характеровъ писатель нанесъ рѣшительный ударъ старой русской комедіи, которая, за весьма немногими

исключеніями, списывалась съ французскихъ образцовъ, часто противорѣчившихъ нашему образу мыслей, нашей жизни и ея условіямъ.

Если сравнить комедію „Ревизоръ“ съ предшествовавшими ей произведеніями, то не трудно замѣтить тѣ особенности, какими она отличается отъ нихъ. Прежде всего бросается въ глаза та особенность комедіи Гоголя, что въ ней нѣтъ ни одного положительнаго характера, въ которомъ выставлена была бы идеальная личность, какъ противовѣсъ комическимъ типамъ. Въ „Недорослѣ“ мы видимъ такую личность въ образѣ Стародума, у Грибоѣдова въ характерѣ Чацкаго. Гоголь самъ объяснилъ, почему онъ такъ сдѣлалъ, и объ этомъ мы сказали выше. Далѣе, завязка комедіи Гоголя совершенно оригинальна, какъ по своему характеру, такъ и по отношенію ея къ положенію всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Въ предшествовавшихъ Гоголю комедіяхъ важную роль играетъ любовная завязка, при чемъ она нерѣдко совершенно не связывается съ развитіемъ главной фабулы пьесы, какъ напр. мы видимъ это въ „Недорослѣ“. Исключая обычную любовную интригу въ своей комедіи, Гоголь руководствовался тѣми соображеніями, которыя указывала ему дѣйствительность „Уже пора перестать (говоритъ онъ словами любителя искусствъ въ „Театральномъ разъѣздѣ“) опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ оглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣе завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку! Не болѣе ли теперь имѣетъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь“! Гоголь не отрицаетъ того, что любовь можетъ входить въ комедію, но любовь и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Что касается отношенія завязки къ дѣйствію, то и въ этомъ случаѣ комедія Гоголя является вполнѣ оригинальною. Завязка „Ревизора“ отличается общимъ характеромъ, она обнимаетъ всѣ лица, а не одно или два, касается такого вопроса, который волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Вслѣдствіе общаго характера завязки въ комедіи Гоголя: въ ней каждое отдѣльное явленіе необходимо, какъ для развитія дѣйствія, такъ и для выясненія основной мысли всей пьесы. Такимъ образомъ, комедія Гоголя представляетъ собою не только ху-

дожественную картину общественной жизни, и въ полномъ смыслѣ драматическое произведеніе, исполненное непрерываемаго движенія, живого и быстраго. Гиперболическій юморъ Гоголя въ „Ревизорѣ“ нигдѣ не сводится къ водевильному остроумію, которое проглядываетъ иногда у Грибоѣдова въ характерахъ (напр. Лиза), въ отдѣльныхъ сценахъ, какова, напримѣръ, сцена Фамусова съ Чацкимъ, передъ докладомъ о пріѣздѣ Скалозуба, „юморъ которой (слова А. Н. Незеленева) основанъ не на одномъ ужасѣ Фамусова передъ новыми идеями, а и на томъ, что онъ, заткнувъ уши, не-вопадъ возражаетъ Чацкому“. Въ „Ревизорѣ“ каждое дѣйствующее лицо вполнѣ опредѣленно, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ничего неяснаго и противорѣчащаго; тогда какъ этотъ недостатокъ встрѣчается у Грибоѣдова, напр. въ фигурѣ Чацкаго, который, въ сценѣ обморока Софьи, изъ благородной личности обращается въ какого-то водевильнаго героя. Комедія Гоголя совершенно оригинальна въ изображеніи не только характеровъ, но и подробностей всего содержанія. Въ „Недорослѣ“ Фонвизина мѣстами замѣтно вліяніе французской комедіи; Грибоѣдовъ, если не подражалъ, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ образцомъ Альцеста, главнаго героя комедіи Мольера „Мизантропъ“, съ которымъ во многомъ сходенъ Чацкій: кромѣ того, въ „Горѣ отъ ума“ встрѣчаются мѣста, близкія по содержанію съ комедіей Мольера; такъ напримѣръ, восклицанія Чацкаго и Альцеста при уходѣ ихъ со сцены совершенно одинаковы (chercher sur la terre un endroit écarté, où être homme d'honneur où ait la liberté—искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ). Ничего подобнаго мы не видимъ въ комедіи Гоголя, которая создалась вполнѣ самобытно, безъ всякаго вліянія иностранныхъ образцовъ. Намъ остается сказать еще о характерѣ гоголевскаго комизма. Впечатлѣніе смѣха возбуждается въ зрителѣ или смѣшными фразами дѣйствующихъ лицъ или ихъ комическими положеніями. Комизмъ фразы или словъ въ предшествовавшей Гоголю комедіи, можно сказать, преобладаетъ надъ комизмомъ положенія. Между тѣмъ въ „Ревизорѣ“ вся сила комизма заключена въ томъ взаимномъ противорѣчіи, въ какое впадаютъ лица, находящіяся въ страстномъ возбужденіи; превосходный образецъ такого комизма мы видимъ, напримѣръ, въ сценѣ первой встрѣчи городничаго съ Хлестаковымъ, неподражаемо рисующей взаимный обманъ комическаго свойства: и вся комедія дви-

жется на цѣломъ рядѣ подобныхъ сценъ. Таковы отличительныя особенности „Ревизора“ какъ драматическаго произведенія.

Значеніе комедіи Гоголя въ русской литературѣ. Въ своей комедіи Гоголь затронулъ одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ своего времени, именно вопросъ объ отношеніи тогдашнихъ должностныхъ лицъ къ своимъ обязанностямъ и къ закону, и въ этомъ заключается общественное значеніе комедіи „Ревизоръ“. Сила смѣха, съ какою писатель начерталъ картину вопіющихъ неправдъ жизни, поразительная вѣрность въ воспроизведеніи характеровъ и типовъ возбудили въ обществѣ озлобленные толки о комедіи и ея авторѣ. Гоголя упрекали въ томъ, что онъ своею комедіею будто бы оскорбляетъ должность чиновниковъ, которые худо исполняли свои должности. Многимъ тогда казалось, что общественныя раны надо скрывать, а не показывать; но Гоголь самъ опровергаетъ такое мнѣніе словами г. Б. въ „Театральномъ разъѣздѣ“. „По вашему (говоритъ г. Б. другому лицу) нужно бы только закрыть, залѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны лишь бы только покамѣсть онѣ не были видныя, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь—до того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого. Пусть глухъ останется человѣкъ, пусть сонно переходитъ жизнь свою, пусть не содрагается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленія свою душу, чтобъ ужъ ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ, простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству“. „Всѣ бранятъ меня“, пишетъ Гоголь актеру Щепкину, „чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что у меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу... Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Досадно видѣть противъ себя

людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью". (Записки о жизни Гоголя, т. I. стр. 182). Обвиняли Гоголя даже въ томъ, что, раскрывая, въ комедіи общественныя язвы, онъ будто бы подрываетъ въ народѣ вѣру въ правительство. Но Гоголь устами одного изъ лицъ „Театральнаго разъѣзда" доказываетъ несправедливость подобнаго обвиненія. „Для народа, говоритъ онъ, нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ передъ ними имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть, повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія, съ твердою вѣрою въ недремлющій высшій законъ".

Враждебные толки о пьесѣ, столкновенія съ людьми, которые не поняли идеи писателя, сознаніе жалкаго положенія писателя и всеобщаго невѣжества, двигавшаго столицею—все это было причиною глубокой тоски, которую долженъ былъ почувствовать великій художникъ, разочаровавшійся въ своихъ надеждахъ. Мало того, подъ вліяніемъ враждебныхъ толковъ Гоголь подъ конецъ своей поэтической дѣятельности отказался даже отъ истиннаго смысла комедіи: въ своей пьесѣ „Развязка Ревизора", написанной въ 1846 году, онъ объясняетъ, что лица, выведенныя въ „Ревизорѣ"—не дѣйствительныя, что они есть ни что иное, какъ олицетвореніе душевныхъ качествъ, что ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Такой взглядъ, конечно, ошибочный, и комедія „Ревизоръ" навсегда останется замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ, правдиво и въ высшей степени талантливо воспроизводящимъ одно изъ печальныхъ явленій общественной жизни Россіи тридцатыхъ годовъ.

Отзывы критики о комедіи „Ревизоръ". Въ заключеніе приводимъ мнѣнія русской критики о комедіи „Ревизоръ". Послѣ перваго представленія комедіи Гоголя, о ней появлялись рецензіи въ тогдашнихъ литературныхъ журналахъ и газетахъ. Въ газетѣ „Сѣ-

верная Пчела", которая вообще крайне неблагосклонно отзывалась о Гоголѣ, комедія „Ревизоръ" названа произведеніемъ жалкимъ. Авторъ разбора былъ самъ издатель газеты Ѳадей Булгаринъ. Хотя мнѣнія его совершенно ложны и были отвергнуты здравою критикою, тѣмъ не менѣе они любопытны какъ историко-литературный фактъ. Булгаринъ находилъ, что канва „Ревизора" пустѣйшая, что это произведеніе даже и не комедія, потому будто-бы, что на административныхъ злоупотребленіяхъ нельзя построить комедіи, что лица комедіи рядъ смѣшныхъ карикатуръ, въ концѣ концовъ слѣпой критикъ, не видя въ комедіи никакой идеи, предсказывалъ, что она недолговѣчна. Въ этомъ случаѣ критикъ совершенно сходится въ мнѣніи съ литераторомъ, который изображенъ въ „Театральномъ разъѣздѣ" и который, называя комедію Гоголя фарсомъ, ставитъ ее ниже пустѣйшихъ пьесъ Коцебу.

Иначе отнеслись къ комедіи другіе журналы. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ" комедія Гоголя была названа явленіемъ чрезвычайно важнымъ въ русской словесности. „Гоголь", говорится въ газетѣ „Литературныя прибавленія", показалъ истинно комическій талантъ. Его комедія сущая комедія. Русскіе такъ не смѣялись со временъ Фонвизина. Лучшія мѣста въ комедіи—все первое дѣйствіе, гдѣ такъ живо, такъ естественно представлена тревога чиновниковъ уѣзднаго города, которые, услышавъ про ревизора, поднялись и не знаютъ что дѣлать, какъ галки предъ ненастьемъ; монологъ стариннаго слуги Осипа, который такъ мастерски рисуетъ Сѣверную Пальмиру съ лакейской точки зрѣнія, образцовое хвастовство Хлестакова, представленіе ему чиновниковъ, шумный съѣздъ церемоннаго городишка для поздравленія семейства Антона Антоновича, и чтенія письма въ послѣднемъ актѣ. Но верхъ комическаго искусства,—это сцена, въ которой запыхавшіеся Петры Ивановичи разсказываютъ о пріѣздѣ ревизора: сцена уморительная до нельзя". Критикъ находитъ только, что роль Хлестакова не совсѣмъ выдержана. „Его принимаютъ за ревизора, а онъ думаетъ, что его хотятъ взять въ тюрьму; ему денегъ даютъ взаймы, съ намѣреніемъ тонкимъ и политичнымъ, а онъ удивляется глупости чиновниковъ. Между тѣмъ какъ, поддерживая обманъ провинціаловъ, онъ увеличивалъ бы вѣроятность происшествія. Еще слабѣе выраженъ въ немъ столичный житель. Степняки не отливаютъ такихъ пуль, какими онъ нѣжничалъ съ Анной Андреевною и Марьей Антонов-

ною". Подробный разборъ „Ревизора" впервые сдѣланъ былъ В. Г. Бѣлинскимъ (см. т. III его сочиненій стр. 389—515). По мнѣнію Бѣлинскаго, въ „Ревизорѣ", нѣтъ лучшихъ сценъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образуя собою единое цѣлое. Сцену съ чиновниками, которую разбранила „Сѣверная Пчела", онъ называетъ дивною. Бѣлинскій превосходно доказываетъ возможность ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора. Въ цѣлой комедіи онъ видитъ художественный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, чего онъ не находилъ въ комедіи Грибоѣдова. Послѣднимъ изъ критиковъ, писавшихъ о комедіи Гоголя, былъ Аполлонъ Григорьевъ (1822—1854 г.). Приводимъ его замѣчательные взгляды на комедію, выраженные имъ въ двухъ статьяхъ о русской литературѣ въ 1851 и 52 году. „Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и наконецъ въ „Ревизорѣ" одинъ только смѣхъ выступилъ честнымъ карающимъ лицомъ, а между тѣмъ, тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?) очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ и тяжкихъ въ массѣ грѣховъ и преступленій, развертывающаяся съ ужасающею постепенностью передъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и, такъ сказать, развороченная однимъ прикосновеніемъ пустого проѣзжаго чиновника; этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона; глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую бренную удочку,—все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ поръ удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которой никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ, или недобросовѣстности, озлобленной на русскую литературу вообще и на одного изъ ея великихъ представителей въ особенности. Разсуждающіе о несообразности этого происшествія вовсе не понимаютъ ни поэтической гиперболы, ни смысла комедіи Гоголя, не понимаютъ, что чѣмъ пустѣе, такъ сказать глаже, безцвѣтнѣе Хлестаковъ, тѣмъ очевиднѣе комическая Немезида *) надъ беззаконіями города...

*) Немезида въ миѳологіи грековъ дочь Ночи, богиня карающей справедливости; атрибутами ея были: крылатое колесо, уѣзда и масштабъ.

Комизмъ гоголевскій есть явленіе совершенно единственное въ самой манерѣ и въ самыхъ пріемахъ комика. Основы Ревизора, скачка Подколесина въ окно и другихъ чертъ вы не найдете ни у кого. Основа Ревизора, скачекъ Подколесина—вѣрны до той психологической вѣрности, которая становится уже дерзостью. Такая особенность и смѣлость пріемовъ обусловлены самою сущностью комическаго міросозерцанія Гоголя, состоящею въ постоянномъ раздвоеніи сознанія, въ постоянной готовности комика себя самого судить и повѣрять во имя чего-то иного, постоянно для самого себя объектироваться. Дѣйствительность повѣрялась въ душѣ комика идеаломъ, и какимъ идеаломъ! Немудрено, что послѣ такой повѣрки она выходила въ міръ отмѣченною клеймомъ гнѣвной любви, принимая тѣ колоссально экономическіе размѣры, которые придавала ей горячая и раздраженная фантазія. Поэтому-то Гоголевскія произведенія вѣрны не дѣйствительности, а общему смыслу дѣйствительности въ противорѣчіи съ идеаломъ; въ обыкновенной жизни нѣтъ Хлестакова, даже какъ типа, въ обыкновенной жизни и Земляника даже не скажетъ на вопросъ Хлестакова: „Вы, кажется, вчера были меньше ростомъ? *Очень можетъ быть-съ*“; въ обыкновенной жизни ни одинъ, самый слабохарактерный изъ Подколесиныхъ, не убѣжитъ отъ невѣсты въ окно. Все это не просто дѣйствительность, но дѣйствительность, возведенная въ перлъ, ибо она прошла чрезъ горнило сознанія; и въ этомъ свойствѣ одинъ только Шекспиръ однороденъ съ Гоголемъ, и въ этомъ смыслѣ Шекспиръ столько же мало натураленъ, какъ Гоголь. Какой Макбетъ въ *дѣйствительности*, зарѣзавши Дункана, будетъ выражаться такъ:

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ.
Зарѣзалъ искупителя заботъ,
Цѣлебный бальзамъ для больной души,
Великаго союзника природы,
Хозяина на жизненномъ пиру...

но какъ дѣйствительнѣе можно было выразить весь ужасъ души Макбета, глубокой и могучей души, предъ его дѣломъ? Какъ Шекспиръ, такъ и Гоголь заботились только о поэтической вѣрности, и какъ того, такъ и другого долго еще будутъ близорукіе судьи упрекать въ ненатуральности постройки „Лира“, въ нелѣпости завязки „Ревизора“, въ гиперболизмѣ чувствъ и выраженій.

Но Шекспиръ и Гоголь доказываютъ человѣчеству то, что онъ думаетъ, что можетъ быть зачинается въ его душѣ, и заключаютъ все въ литое, мѣдное выраженіе, котораго удачнѣе и поэтически вѣрнѣе нельзя ничего придумать... И выходитъ какъ-то что ненатуральность ихъ вѣрнѣе всякой честной повседневной натуральности, что въ ихъ душѣ отразилось идеально, общечеловѣчески, то, что у другихъ отражается неполно и неясно. Типичность образовъ, типичность чувствованій, типичность выраженій, доведенная до краней своей степени". (Сочиненія А. Григорьева, стр. 17, 48 и 49).

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
"Revizor" N.V. Gogolia : razbor
891.73 G613ZBR
D90353759+